

18+

ОЛЕГ ДАВЫДОВ

ДЕМОН СОЧИНИТЕЛЬСТВА
Книга третья
За пределами литературы

Олег Давыдов

**Демон сочинительства. Книга
третья: За пределами литературы**

«Издательские решения»

Давыдов О.

Демон сочинительства. Книга третья: За пределами литературы /
О. Давыдов — «Издательские решения»,

Существо, которое заставляет авторов говорить (и делать) не совсем то, что они хотели бы сказать, Олег Давыдов называл поначалу «Демоном», что и дало название книге. Позже, уже в 2000-х, сотрудничая с интернет-журналом «Перемены», он использовал для этого существа уже другое наименование — «Осьминог». К аналитическим инструментам, корнями уходящим в теории и практики Фрейда, Юнга и Эриха Фромма, добавились элементы психоистории Ллойда Демоза и онтопсихологии Антонио Менегетти.

© Давыдов О.

© Издательские решения

Содержание

ВЕСЕЛАЯ ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТЬ. Предисловие от издателя	6
МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ДВУСМЫСЛИЦА. Родина-мать (чья?) одержала победу (над кем?)	11
ЕЛЬЦИНСКАЯ ТРЕХХОДОВКА. Кому суждено быть, тот не утонет	16
ПОСАД И КРЕМЛЬ. Станет ли Юрий Лужков президентом России?	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Демон сочинительства. Книга третья: За пределами литературы

Олег Давыдов

© Олег Давыдов, 2026

ISBN 978-5-0070-6139-1 (т. 3)

ISBN 978-5-0070-4115-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЕСЕЛАЯ ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТЬ.

Предисловие от издателя

Первое издание книги «Демон сочинительства» вышло в 2005 году в издательстве «Лимбус Пресс». На 582 страницах книжки нестандартного формата (между А5 и А6) уместились почти все тексты Олега Давыдова о литературе, написанные в 1990-х годах для различных изданий и объединенные одной темой — прояснением скрытых глубинных смыслов, помимо сознательной воли протранслированных авторами классических и современных произведений.

Сквозь магический кристалл психоанализа Олегу Давыдову удавалось всякий раз увидеть и подробно описать потаенные механизмы, заставившие писателей запечатлеть на страницах своих текстов те или иные символы и сюжеты. Причем Олег распаковывал эти заархивированные пласты данных настолько убедительно, что даже сами авторы порой не могли не согласиться с точностью его толкований. Хотя случались и скандалы. Виктор Астафьев, например, дал ему за текст «Нутро» (см. Книгу вторую настоящего издания) высокое звание «еврей», пушкинисты всея Руси, ознакомившись с текстом «Залог Бессмертия» (см. Книгу первую), застыли в недоумении, а Солженицын, слыша имя Олега Давыдова, неизменно багровел от гнева.

Существо, которое заставляет авторов говорить (и делать) не совсем то, что они хотели бы сказать, Олег Давыдов называл тогда «Демоном»¹, что и дало название книге. Позже, уже в 2000-х, сотрудничая с интернет-журналом «Перемены», он использовал для этого существа уже другое наименование — «Осьминог». В этот период он в основном предпочитал применять свой метод не к произведениям литературы, а к историческим реалиям, а также к биографиям ключевых фигур исторических и политических событий. В тексте «Лгу» (написан в 2009 году, а в настоящем издании этот текст закрывает Вторую книгу «Демона сочинительства») Олег сообщает о том, что литературы как таковой (как и вообще искусства) для него уже давно просто не существует. Добавляя: «То есть я, конечно, о них пишу, но только — как о психологических феноменах». А можно сказать и так: литературой (искусством) для него стали предметы несколько иные — сюжеты того огромного полотна, которое (как и все произведения искусства) продюсирует тот самый Демон сочинительства, осьминог, — безначальное и бесконечное сочинение, которое кто-то называет «мировой историей», кто-то — сансарой и майей, а кто-то считает своей повседневной жизнью.

Впрочем, это направление в работе Олега Давыдова наметилось еще до выхода первого издания «Демона сочинительства». Он уже в начале 1990-х начал писать для «Независимой Газеты» психологические портреты наиболее заметных политиков того времени — вместо сюжетных линий литературных произведений анализируя деяния этих персонажей политической пьесы, их высказывания и интервью, а также факты биографии. Эти тексты, подобно статьям Олега о литературе, наделали тогда шороху — уже не в литературном, а в политическом мире. А в 2000 году многие из них появились в книге «Российская Элита, психологические портреты». Но поскольку та книга была сборником статей разных авторов, а тексты Давыдова были очевидной частью его большого исследования механизмов Бессознательного, мы посчитали уместным включить все эти портреты в настоящее издание «Демона сочинительства», в эту Третью книгу. Не вошел сюда только самый объемный материал — вышедшая в 2002 году отдельной книгой биография Горбачева «М. Горбачев. Тайные пружины власти»² (в том же

¹ Подробнее об этом см. в Предисловии к Книге первой настоящего издания.

² Первое издание книги «М. Горбачев. Тайные пружины власти» состоялось в издательстве «Гелеос», позже книга была опубликована Олегом Давыдовым в интернет-журнале «Перемены» под новым названием «Гений Карьеры. Схемы, которые привели Горбачева к власти».

году признанная Российской государственной библиотекой и Русским биографическим институтом «книгой года»).

Работая над проектами «Места Силы» (сейчас этот труд издан в шести томах) и «Дни Силы» (доступен полностью на сайте «Перемены»), Олег Давыдов всё больше и больше проникал в (до тех пор неисповедимые) тайны сценариев, по которым разворачивалось становление наций, религий и государств. К аналитическим инструментам, корнями уходящим в теории и практики Фрейда, Юнга и Эриха Фромма, добавились элементы психоистории Ллойда Демоза, онтопсихологии Антонио Менегетти, а также отголоски конспирологии (как писал Томас Манн, «аналитическое знание изменяет мир; оно приносит в мир веселую недоверчивость, разоблачающую подозрительность по отношению к тайникам и махинациям души, подозрительность, которая, однажды пробудившись, уже никогда не исчезнет в мире»).

В мае 2007 года в глубинах журнала «Перемены» Олегом Давыдовым был учрежден коллективный блог («блог-книга») «Осьминог», в котором тема получила свое дальнейшее развитие. Собственно, «Осьминогом» Олег называл всё того же «Демона» (точнее сказать, ипостась этого существа, формирующую события мировой истории, в то время как «Демон» — это его частное проявление внутри индивидуальной психики).

Представляя новый блог читателям сайта, Олег Давыдов писал:

«Он не житель подводных глубин, но все же нечто глубинное. Его головоногий образ явился, пожалуй, из романа Герберта Уэллса «Война миров», в котором рассказано о нашествии марсиан. Это лишь выдумка, но — очень точная. Ибо — под именем марсиан кроются некие чужаки вообще, пришельцы как таковые. осьминоги, преследующие свои ужасные цели.

Что за цели? Обычно считают: отнять у людей их жизнь. Не обязательно биологическую. Можно представить себе, что пришельцы просто придут и заставят нас работать на них. Или, скажем, станут доить, как коров. Это вполне вероятно. Мало ли что может найтись у человека полезное для пришельцев. Может, у него есть какой-нибудь ХУ-стерон в гипоталамусе, которого больше нет нигде во всей вселенной и который жизненно необходим осьминогам. Его из нас извлекают во сне. А мы и не знаем. Короче: человек может быть полезен осьминогу. И это хорошо. Плохо, если человек не нужен пришельцам, а нужна только его территория или ресурсы, которыми он живет. Тогда — всех под нож (какой-нибудь нейтринный).

Вопрос, значит, ставится так: быть субъектом или объектом? Люди боятся стать объектами деятельности осьминогов. Это архетипический страх. Он лежит в самой основе человеческого бытия: вот придут осьминоги из соседнего племени и... Надо спастись! Общеизвестный случай: радиопостановка «Войны миров» вызвала в 1938 году панику среди жителей США, не разобравшихся в том, что это не реальный репортаж, а только спектакль. Мужчины и женщины бросились вон из городов. Над их ошибкой до сих пор продолжают смеяться. Напрасно. Наивные американцы имеют опыт жизни под властью осьминога. Они повели себя очень естественно. Прочувствовали угрозы. Значит, Уэллс написал очень точный роман. Он точный писатель. Встретившись с Лениным, назвал его Кремлевским мечтателем. Из мечты осьминог и является. И действует через мечтания.

По обывательскому разумению осьминог должен держать свои деяния в тайне. Так легче добывать ХУ-стероны и заставлять людей с энтузиазмом работать на стройках осьминизма (идеология может быть любой). Пусть двуногие думают, что сами хотят того, чего хочет от них осьминог. Но странно: иногда осьминог дает понять людям: внимание, я начинаю! Вот характерный пример. Август 1941 года. Не прошло и двух месяцев с 22 июня (интересно: летнее солнцестояние), когда Германия напала на Россию. До нападения японцев на Перл-Харбор (7 декабря) остается без малого четыре месяца, Америка еще не воюет. А в водах Атлантического

океана на американском военном судне «Августа» встречаются Рузвельт и Черчилль. 14 августа они подписывают «Атлантическую хартию», документ о послевоенном устройстве мира.

Не стоит здесь вникать в детали работы Осьминога по организации всех этих событий. Достаточно будет сказать, что переориентировать военные усилия Гитлера с Запада на Восток было совсем нелегко, а еще трудней было заставить Сталина сосредоточить войска Красной армии так, чтобы их можно было уничтожить одним ударом. С другой стороны: лишь Осьминогу было по силам вынудить японцев напасть на Америку, а американцев, заранее знавших о нападении, ничего не предпринять для того, чтобы к нему подготовиться (разве что увели из Перл-Харбора авианосцы и оставили малопригодные для грядущей войны линкоры, но это — уже деяния Осьминога, а не администрации Рузвельта).

Осьминог необычайно влиятелен. Но сейчас не об этом. Сейчас о том, что он все-таки информирует людей о своих намерениях. В те августовские дни кроме Черчилля и Рузвельта, положивших на борту «Августы» начало ООН, встретились еще два человека: начинающий писатель Айзек Азимов (Исаак Иудович Озимов, уроженец Смоленщины) и редактор журнала «Astounding» Джон Кэмпбелл. Это было 1 августа, где-то в Америке. Литераторы обсуждают творческие планы Айзека (это отчасти напоминает разговор редактора Берлиоза с поэтом Бездомным).

Вот как Азимов впоследствии описал эту встречу: «Я спешил рассказать ему о новой идее, которая у меня появилась. Она состояла в том, чтобы написать историю будущего; рассказать о падении Галактической Империи. Мой энтузиазм должно быть оказался настолько захватывающим, что Кэмпбелл пришел в такое же возбуждение, как и я. Он уже не соглашался, чтобы я написал только один рассказ. Он хотел целую серию, в которой прослеживалась бы вся тысячелетняя история беспорядков в промежутке между падением Первой Галактической Империи и подъемом Второй. Все это должно быть освещено с позиций науки „психоистория“, которую мы с Кэмпбеллом совместно и придумали».

Интересно: Кэмпбелл пришел в возбуждение. И они совместно придумали. «Психоисторию». А кто это инспирировал. Вот я, например, время от времени работаю редактором в разных изданиях. Ко мне приходит автор, делится творческими планами. Иногда мне в его планах что-то не нравится: идея хорошая, но нет, скажем, какой-то изюминки. Тогда я начинаю обсуждать с автором его идею и — лучше это сделать незаметно — стараюсь внушить ему некое свое видение предмета, которое автор может принять и начать считать своим. В общем, нормальная работа редактора. Азимов как раз говорит: «Мы с Кэмпбеллом совместно и придумали».

Судя по тому, что тексты Айзека наполнены беспросветной научно-технической чушью, а взгляд на мир в них — вполне местечковый, это именно Кэмпбелл внушил молодому фантасту идею психоистории и вытекающий из нее конспирологический сюжет «Основания»³. Идея эта предельно проста и состоит из двух посылов.

1. Будущее можно предсказывать при помощи какой-то сверхсложной математики вероятностного характера. Но люди (массы) не должны знать деталей этих предсказаний. Иначе, действуя сознательно, они могут нарушить предсказанный ход истории, поскольку предсказания основаны на допущении, что люди не знают, что с ними происходит.

2. Будущим можно манипулировать. Посвященные (особая каста) знают теорию психоистории. На ее основании создан План, согласно которому возникновение Второй Галактической Империи произойдет в 30 раз быстрее, чем оно произошло бы, если дело пустить на самотек. План ускорения наметил великий Гэри Сэлдон. Он же создал и Основание (Foundation,

³ Детальный анализ всех романов Азимова об Основании проделан на страницах блог-книги «Осьминог».

отсюда и всякие фонды, и фундаментализмы). Причем все так хорошо предусмотрел, что План выполняется столетиями, а давно уже мертвому Сэлдону поклоняются как божеству.

Вот вам и первый осьминог. Он рожден из фантастического бреда, но в его описании есть логические необходимости, которые и предопределяют поведение любого манипулятора. Во-первых, народ ничего не должен знать о его деталях (по соображениям математической статистики, но еще и потому что во имя будущей империи приходится убивать очень много народу). Во-вторых, должна быть законспирированная группа лиц, которые следят за осуществлением Плана. О них фантаст напишет в последней части своей трилогии об Основании («Второе Основание»). И тогда выяснится, что это такие гипнотизеры, что где там до них Булгаковскому Воланду. Но это станет ясно потом. А пока, в майском выпуске «Astounding» за 1942 год, появляется первый рассказ «Основания», в июньском — второй. Читатели начали помаленьку вникать в суть дела. И никакой Осьминог не удушил писателя своим длинным щупальцем. Правда, Айзек жалуется, что у него было как-то скудно с гонорами. Но зачем, спрашивается, гонорары писателю, который работает на некие государственные структуры?

Должно сказать: психоистория, как она описана в «Основании», целиком сводится к беззастенчивому интриганству Посвященных (это, пожалуй, и есть составляющая «психо») и неслыханной тупости остальных (а это уже «история»). Гнусные интриги начинаются с самых первых страниц. Гэри Сэлдон путем запугивания, обмана и шантажа заставляет имперские власти отправить его в ссылку на далекую необитаемую планету. А вместе с ним отправляются десятки тысяч его сотрудников, которые вовсе не желают никуда отправляться, но — уж так Сэлдон устроил — деваться им некуда: злые власти могут и репрессировать и даже казнить. Так создается Первое Основание. И в этом нетрудно узнать создание государства Израиль (текст опубликован в 1942 году, следовательно, писатель мог иметь в виду обсуждавшиеся тогда планы создание этого государства на Мадагаскаре, но мог знать и о Палестине). Дальше эта колония интеллектуалов (Основание) начинает кровавую экспансию в своем регионе (потому что на нее нападают — Сэлдон знал, что так будет, — местные варвары). Второе (невидимое) Основание ведет себя тоньше: просто влезает в мозги тех, кто начинает о чем-то догадываться, и кастрирует их — интеллектуально.

Если отбросить бездарную беллетристику, окажется, что текст уважаемого Исаака Иудовича в основном состоит из описания тайных операций, проводимых последователями Сэлдона против тупых народов Галактики. В этих описаниях легко узнаются некоторые детали послевоенной истории Земли. Но меня, собственно, не очень интересуют эти детали (тем более не волнует еврейский акцент, с которым все это написано: евреи такие же жертвы, как и все остальные). Что меня действительно интересует, так это то, почему Осьминог иногда допускает утечки информации. Что это? Тщеславие? Сбой программы? Борьба осминожьих группировок? Метод оповещения посвященных? Демонстрация презрения к людям, которые все равно ничего не поймут? Или, может, навешивание лапши на уши слишком любопытным двуногим? Как бы то ни было, некоторая информация к нам все-таки поступает. И по этим утечкам можно судить о том, что куда клонит наш Осьминог. Этим и будем заниматься здесь». Конец цитаты.

Вторая половина Третьей книги «Демона сочинительства» составлена нами именно из текстов, которые были написаны в рамках блог-книги «Осьминог». В том числе психологические портреты двух президентов: Путина и Медведева.

Стоит добавить, что издатель не стал включать в эту книгу некоторые опубликованные в «Осьминоге» историко-публицистические и политические статьи, а также некоторые из текстов, в которых проанализированы кинематографические новинки тех лет. Все эти материалы по-прежнему доступны на страницах интернет-журнала «Перемены».

Г.Д., 2026 г.

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ДВУСМЫСЛИЦА. Родина-мать (чья?) одержала победу (над кем?)

Некоторое время назад славный Титус Советологов⁴ заметил на Поклонной горе «очередь бронзовых голых изможденных фигур, то ли выходящих из ада, то ли идущих в печь крематория. Эдакий кладбищенский сюжетец длиной с очередь в Мавзолей» (см. «Независимую Газету» от 2.04.96). Речь идет о второй (простите за каламбур) очереди Мемориала, посвященного победе над фашизмом. К сожалению, коллега Титус пишет всегда слишком кратко, так что более детальный анализ особенностей этого интереснейшего сооружения придется проделывать мне. Начну издалека.

Едва ли не самое знаменитое произведение в мемориальном роде — Памятник-ансамбль героям Сталинградской битвы в Волгограде на Мамаевом кургане. Автор Вучетич. Наиболее заметная скульптура — Родина-мать. Когда ходишь под ней, какое-то неприятное, тяжелое чувство охватывает. Что-то не то. Некоторые говорят, что это связано со страхом — что вот возьмет эта махина и рухнет на тебя. И придавит (между прочим, когда я недавно бродил среди народа на Поклонной горе, там тоже слышались постоянные разговоры о «придавит»). Но это недоверие к технологии скорей всего лишь рационализация более фундаментального ужаса, — ужаса, который дремлет у нас всех в крови и который как бы пробуждается, когда мы козявками ползаем у ног чудовищных изваяний. Причем дело не только (и даже не столько) в масштабах, а в чем-то другом. В чем же? А вот разберемся.

Вспомните: в Волгограде Родина с мечом стоит на берегу Волги. Фасадом к реке. И слегка оборачивается назад. Зовет своих сынов. Все вроде нормально. Мы настолько привыкли к этому монументу, что уже и не замечаем его вопиющей нелепости. Но если посмотреть беспристрастным взглядом, неизбежно полезут в голову крамольные мысли: чья это мать и вообще — кому и чему это памятник? Героизму солдат, выстоявших в Сталинграде? Но тогда фигура женщины должна была бы сдерживать натиск врага, рвущегося к Волге, а не изображать неудержимый порыв к Волге же. Поскольку ни по каким признакам нельзя определить национальной принадлежности вучетичевой Матери-родины, остается предположить, что она изображает собой мощь Германии, дошедшей до Волги, вышедшей (как и было в реальности) к самому берегу великой русской реки. А как же иначе, если символическая женщина вся в порыве на восток и как бы зовет за собой своих верных сынов.

Впрочем, впереди женщины с мечом (валькирии?) есть еще мужчина, вооруженный автоматом и гранатой. Он тоже стоит лицом к Волге и изображает собой как бы передового бойца. Какой армии? Это не очень понятно, поскольку он голый, а антропологический тип на уровне тоталитарной скульптуры у русских и немцев не отличается (среднеевропейский с элементами нордического). Если бы на нем была хотя бы русская военная форма, можно бы было рассуждать о том, почему это русский солдат замахнулся гранатой на Волгу? А так получается, что Фриц отнял у Ивана автомат (наш ППШ с дисковидным магазином — оружие все же более мощное, чем немецкий «шмайсер») и вышел к Волге. Солдат этот, кстати, стоит как раз в воде, в некоем специальном водоемчике, изображающем, видимо, Волгу, громоздится на глыбе, исписанной граффити, типа «Стоять насмерть», но — фигура солдата все же располагается выше всех этих обычных наших героических граффити...

То есть можно сказать, что солдат попирает это святое для русского сердца «выстоим» ногами. Но самое поразительное, что слева и справа по ходу движения голого солдата и его

⁴ Титус Советологов — псевдоним, под которым несколько обозревателей «Независимой Газеты» публиковали фельетоны и сатирические очерки о российской политике и прочих реалиях в 1990-е годы. Среди этих обозревателей был и Олег Давыдов (его тексты подписывались «Титус Советологов 19-й»). — *Здесь и далее примечания издателя.*

матери к Волге располагаются действительно русские солдаты, одетые в русскую форму, но — какие-то в большинстве своем коленопреклоненные и согбенные. Они как бы расступаются перед мощным движением на восток беззаветного берсеркера, сопровождаемого чудовищной валькирией, образуют коридор для свободного движения супостата к реке. Но ведь это уже, так сказать, монументальная клевета. Всем известно: советская армия выстояла в Сталинградской битве, хотя в некоторых местах противник и добрался до самой Волги, вымыл, так сказать, в ней сапоги.

В общем, какой-то двусмысленный мемориал создал скульптор Вучетич. Но кстати, в этой связи замечательно то, что еще пару лет назад Волгоград потрясли протесты против установки маленького памятника австрийским солдатам, погибшим в Сталинграде. И никому тогда не пришло в голову, что огромный памятник немцам и их союзникам давным-давно установлен в городе русской воинской славы.

Впрочем, можно истолковать символику мемориала на Мамаевом кургане немного иначе. Женщина с мечом — это символ отступающей Советской Армии (или шире — России), аллегория излюбленной нашей «скифской войны» (вперед, вглубь России), когда противник заманивается в недра страны и там успешно уничтожается. Тогда это памятник русскому мазохизму, который (мазохизм) достоин, конечно, увековечивания в грубом железобетоне, но — ведь такие вещи надо отчетливо понимать и соответствующим образом к ним относиться: тут уже не о героизме должна идти речь, а о некотором болезненном отклонении от нормы. Между тем, несомненно то, что и оборона Сталинграда, и в целом победа в Великой войне — деяния именно героические. Но их злостно переосмысливают советские скульпторы.

Волгоградская Родина-мать не одинока. Например, женщина, олицетворяющая Родину-мать и Победу в городе Киеве (тоже вышедшая из мастерской Вучетича), располагается на правом берегу Днепра и, соответственно, смотрит на восток. То есть — практически все, что сказано о Родине на Мамаевом кургане, здесь можно повторить. Ну разве что добавить, что, возможно, это какая-нибудь специфически хохлятская Родина, божественная покровительница вояк, скажем, дивизии СС «Галичина», укомплектованной в основном западными украинцами, или, быть может, бандеровских бандформирований. Кстати, вздетые вверх руки этой киевской матери (в одной — щит, в другой — меч) вместе с головой образуют «трызуб», ставший ныне гербом Украины.

Однако вернемся в Москву, на Поклонную гору, к церетелевскому мемориалу. Тут тоже, конечно, есть женщина. Называется она Нике (по-русски — Победа). Располагается она высоко, на чем-то вроде иглы. Лицом обращена — не совсем на восток. Скорее, на северо-восток, точно — на Триумфальную арку, но, во всяком случае, — отнюдь не на запад. Как видим, тенденция сохраняется. Оно конечно, женщина на игле в данном случае не называется Родиной-Матерью и держит в правой руке не меч, но венок, то есть — как бы увенчивает кого-то этим венком. Очевидная разница.

Но если присмотреться внимательней, на первый план выйдет типологическое сходство московского монумента с мемориалом на Мамаевом кургане. Общее тут и там — женщина на большой высоте, а под нею, чуть впереди, некий воин. На Поклонной горе он все-таки одет — в какие-то доспехи, которые вполне можно принять и за древнерусские. Сидит на вставшем на дыбы коне, в правой руке держит не гранату, а копьё, упирающееся в шею дракона. Дракон преогромный, он служит постаментом для относительно маленького всадника, весь исчерчен фашистской символикой и уже расчленен на куски (когда успел всадник проделать эту мясницкую работу, остается только гадать).

Если провести сопоставление двух монументальных композиций, то станет очевидно, что московский Дракон — это (семантически) та самая исписанная героическими лозунгами глыба, на которой зиждется голый солдат в Волгограде. А Георгий с Поклонной в таком случае соответствует голому солдату с нордическим ликом, установленному на Мамаевом кур-

гане. За каждой из этих двух воинственных фигур располагается гигантская женщина: в одном случае — просто головокружительной высоты, а в другом — на головокружительной высоте. Эти разноименные женщины, вдохновляющие (подгоняющие, поощряющие, зовущие) монументальных воителей на бой, — не просто аллегории Родины или Победы, это скульптурные изображения некоего женственного божества, выходящего из бессознательных глубин души скульптора, когда он берется за свое ваяние, — разные воплощения одного архетипа...

Собственно, архетипичен треугольник: Женщина — Змей (Дракон) — Змееборец. В основе здесь — индоевропейский миф о поединке небесного громовника и поражаемого им рептильного хтонического божества. Женщина, из-за которой происходит схватка, увенчивает победителя (достается или предается ему). Это — в самых общих чертах, детали могут быть очень разные. Некоторые из них подробно разобраны в моих статьях «Голгофа змея» и «Насмешка неба над землей» (см. в этой книге). Не стоит здесь останавливаться на деталях, но стоит сказать, что в русской мифологии (от Нестора до Солженицына) Всадник-змееборец всегда ассоциируется с каким-нибудь пришельцем, а Дракон — с туземным божеством.

Конечно, Дракона можно изрисовать свастиками от головы до хвоста (так дети рисуют и пишут всякие глупости на заборах), но сущность-то мифа от этого не изменится: Дракон — это местное божество, которому суждено быть протыкаемым пришельцем, а уж женщина, которая влечет (а тем самым — толкает) пришельца, кем бы она ни была, увенчает победителя. Это, так сказать, общая подоснова змееборческого мифа, но, рассказывая его словами или посредством скульптуры, человек обычно привносит в него кое-что новое и интересное. Церетели привнес в миф расчлененку. Это оригинальный мотив, и хоть, конечно, можно найти изображения, на которых у Змея что-нибудь отрублено, но чтоб так — прямо нарезанная колбаса (конечности тоже, естественно отделены) на праздничном столе... такого я не припомню, тут автор знаменитого памятника единству советских народов (помните, такая фаллическая фиговина возле Даниловского рынка?) сумел сказать новое слово.

Не сомневаюсь, читатель уже догадался, символом чего является расчлененный Дракон. Конечно — символом расчлененного Советского Союза. А то, что Дракон изрисован свастиками, так это обычная метафорика перестроечных лет, когда коммунистическая идеология «совка» отождествлялась с фашизмом и был изобретен термин «красно-коричневые». То есть памятник на Поклонной горе посвящен отнюдь не победе над фашистской Германией (как это нам рассказывают), а ровно наоборот — победе над коммунистическим Советским Союзом. И соответственно — никакого отношения эта женщина с иностранным именем Нике к Победе над фашистской Германией не имеет, но имеет прямое отношение к победе над коммунизмом и Советским Союзом. Кто его победил? Ну, скажем, некий агент западного влияния в средневековых доспехах и на коне. Всадник вот-вот соскочит с расчлененного Дракона и двинется к триумфальной арке (на нее и нацелен), вот только пока еще ждет ключей от Москвы, как Наполеон когда-то на той же Поклонной горе.

Сейчас меня вовсе не интересует вопрос — хорошо это все или плохо. Для кого-то, может быть, хорошо, для кого-то — плохо. Но вещи все-таки надо называть своими именами: Церетели построил памятник расчленению Советского Союза (как Вучетич построил памятник выходу фашистской Германии к Волге). И иного памятника этот певец дружной семьи народов построить не мог (кстати, его памятник дружбе напоминает фонтан Дружбы на ВДНХ). Не мог потому, что его волновали вовсе не победа в Великой Отечественной войне, а свершающееся на его глазах разрушение Советского Союза.

Вообще говоря, ваяние монументов — дело далеко не безобидное. Хотя бы уже потому, что они очень дорого стоят, видны всем, а делаются, как всякое произведение искусства, в некоем горячечном полубреду. Точно так же, как пишутся стихи или романы — нечто прет из души человека и превращается в текст. А уж что там из тебя выперло — чернуха или божественное песнопение — видно будет потом и другим. И может быть — очень нескоро. Но,

во всяком случае, стихи или рисунки — это вещи, не требующие таких материальных затрат, как монументы, и — не так мозолят глаза. Написал плохой стих — ну, неудача: посмеялись и забыли. А монумент остается. И что же с ним делать? Демонтировать, как памятник Дзержинскому? Или оставлять как памятник безумию времени, которое настолько потеряло элементарный здравый смысл, что неспособно отличать правую руку от левой и коричневое от красного.

Короче, каковы времена, таковы и мемориалы. В конце концов, это даже похвально, что столь оперативно появился памятник разрушению Империи зла. Плохо лишь то, что произошла досадная путаница, нечаянная подмена (я не допускаю даже мысли, будто Церетели понимает, что он, собственно, наваял). А в результате несчастных ветеранов лишний раз обманули — предложили им поклоняться не своей победе, а победе над собой (поскольку большинство из них против Советского Союза как государства ничего не имели).

И тут пришло время понять, что это за изможденные голые люди сдвигают могильные плиты и выходят из могил? Что хотел сказать этим автор — более или менее понятно: никто не забыт, мертвые восстанут из могил и так далее. Быть может, в духе новой политической конъюнктуры и моды на религию он даже хотел изобразить Воскресение мертвых. Но не удалось узнать, что это значит и как это должно произойти. Не слыхал о том, что «Есть тело душевное, есть тело и духовное». Не читал у Апостола Павла о том, что «не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою».

Согласитесь, есть в этом тексте какое-то сходство с бредовыми фантазиями Церетели, но одновременно — как непохоже, даже полная противоположность... Церетелевские мертвецы встают из могил не преображенными, в полном тлении. Это именно не воскресшие из мертвых, а призраки, мертвяки, даже, может быть, вурдалаки, питающиеся живой человеческой кровью. Это сам ад выходит на землю, чтобы здесь воцариться, а вовсе не воскресшие из мертвых. Что за большая фантазия? И какой смысл она имеет?

В контексте всего, что мы уже знаем о церетелевском мемориале, все очень логично. Смотрите: мертвяки направляются в сторону Кутузовского проспекта и должны пересечь его перед Триумфальной аркой. Зачем? Неужели лишь для того, чтобы снова спуститься под землю там, где строится станция метро «Парк Победы»? Да нет, уж скорей они встанут стеной на пути у готового въехать через триумфальную арку в Москву конного Победоносца, расчленившего Дракона. Эти люди здесь уже однажды полегли и теперь снова встают на защиту столицы. Так что совсем не апостолом Павлом вдохновляется Церетели, а Галичем: «Если зовет своих мертвых Россия, значит — беда».

Но впрочем, это все малоконкретные аллюзии. Реализм же действительной жизни состоит в том, что на пути победного шествия западнических реформ встают конкретные люди — вот эти вот самые обманутые ветераны и пенсионеры, которых многие радикально настроенные товарищи склонны считать мертвецами, хватающими живых. И именно эту коллизию столкновения старого с новым невольно воплотил мемориалозиждатель в своем замечательном творении. Ведь мысль о том, что пока не перемрут старики, реформы невозможны, была весьма популярна в определенных кругах, когда памятник еще только создавался. Теперь уже она популярна меньше, а все же в памятнике оказалась увековечена. Но заметьте: монументалист еще не знает, кто победит, мертвые у него пока еще только выдвигаются на оборонительную позицию, всадник, изничтоживший Дракона, еще не сдвинулся с места (возможно, кстати, что он из Дракона и вырос), стоит на трупе и ждет «Москвы коленопреклоненной». Надеется: а вдруг эти голые бедолаги сейчас вручат ему ключи от города? Не дождется. Композиция мемориала не позволяет. Так и останется в нашей коллективной душе эта коренная неопределенность, недоговоренность...

Или кто-нибудь думает, что можно поставить перед Триумфальной аркой еще и бронзовых людей на коленях, лицом к западу?

Апрель 1996

ЕЛЬЦИНСКАЯ ТРЕХХОДОВКА. Кому суждено быть, тот не утонет

Чуть более 66 лет назад (*статья написана в 1997 г., — ред.*) в одной из православных церквей Талицкого района Свердловской области во время обряда крещения случился инцидент, чуть не закончившийся трагически... Впрочем, предоставим слово главному его участнику:

«Крещение проводилось самым примитивным образом — существовала бадья с некоей святой жидкостью, то есть с водой и какими-то приправами, туда опускали ребенка с головой, потом визжавшего поднимали, крестили, нарекали именем и записывали в церковную книгу. Ну, и как принято в деревнях, священнику родители подносили стакан бражки, самогона, водки — кто что мог...

Учитывая, что очередь дошла до меня только ко второй половине дня, священник уже с трудом держался на ногах. Мама, Клавдия Васильевна, и отец, Николай Игнатьевич, подали ему меня, священник опустил в эту бадью, а вынуть забыл, давай о чем-то с публикой рассуждать и спорить... Родители были на расстоянии от этой купели, не поняли сначала, в чем дело. А когда поняли, мама крича подскочила и поймала меня где-то на дне, вытащила. Откачали...»

Этот эпизод Борис Николаевич Ельцин впоследствии описал в своей книге «Исповедь на заданную тему». И закончил его замечательными словами: «Кстати, батюшка сильно не расстроился. Сказал: ну, раз выдержал такое испытание, значит, самый крепкий и нарекается у нас Борисом».

Говоря о крепости, пьяный попик как в воду глядел — из младенца получился муж крепкий и доблестный. Детство, отрочество и юность у будущего президента были трудные. Как будто какой-то рок его всегда преследовал. И из всех передраг Борис Николаевич всегда выходил сухим. «...Всегда как будто меня кто-то выручал. Я уже и сам начал верить, что нахожусь под какой-то неведомой защитой. Не может же быть, чтобы на одного человека столько всего обрушивалось, причем на каждом этапе жизни. Буквально на каждом! И каждая такая критическая ситуация несла в себе потенциально смертельный исход».

ДЕТСТВО

Действительно, есть что-то странное в экстраординарном обилии критических (часто смертельно опасных) ситуаций приходящихся на долю одного человека (во всяком случае, удивительно, что главным образом на таких ситуациях он останавливается в своих книгах). Удивительно и то, как он удачно выходит из таких ситуаций. Для пояснения приведем некоторые примеры.

В детстве Ельцин любил ходить в походы. Так после девятого класса он вместе с ребятами пошел искать исток реки Яйвы. В книге «Исповедь на заданную тему» описываются трудности этого похода. В конце концов нашли — «сероводородный ключ». Стали возвращаться. «К тому моменту уже порядочно выдохлись». Выменяли у какого сельчанина плоскодонку. Плывут. «Вдруг вверху в горах заметили пещеру, решили остановиться, посмотреть. Вошли. Вела-вела она нас, вела и вдруг вывела куда-то вглубь тайги. Туда сюда, не можем понять, где мы, короче говоря, заблудились, потеряли нашу лодочку. Почти неделю пробродили по тайге, причем ничего с собой не взяли, а тут, к несчастью, оказалось такое болотистое место, лес-подросток, — в общем, он немного давал, чтобы хоть чем-то питаться, и совершенно не давал никакой воды. Болотную жижу вместе со мхом складывали в рубашку, сжимали ее, и ту жижу, что стекла из рубашки, пили.

В конце концов, мы все-таки вышли к реке, нашли нашу плоскодонку, сориентировались, но из-за грязной воды у нас начался брюшной тиф. У всех. Температура — сорок с лишним, у меня тоже, но я на правах организатора, держусь. На руках перетаскивал ребят в лодку, уложил на дно, а сам из последних сил пытался не потерять сознание, чтобы лодкой хоть как-то управлять, она шла вниз по течению». Короче, в городе появились тогда, когда уже месяц шли занятия в школе, плюс еще провалялись в больнице три месяца. В результате одному Борису Ельцину удалось сдать выпускные экзамены. Остальные участники похода «решили просто десятый класс пропустить».

Интересная история, не правда ли? Если забыть о том, что она опубликована в 1990 году, может создаться впечатление, что это символическое описание последовавших вскоре реформ: мифическая пещера в горах, выводящая в незнакомую местность, голодные блуждания, всеобщая болезнь и Ельцин, держащийся «на правах организатора», спасающий остальных, управляющий лодкой (кормчий?), стараясь не потерять сознание, наконец этот пропуск занятий в школе, в результате которого один Ельцин в тот год окончил десятый класс. Тут есть о чем задуматься, но мы процитировали эту историю не только для того, чтобы отметить пророческий дар президента. В этой истории, как в капле воды, отражаются некоторые важные особенности его судьбы и характера. Смело войти туда, где неизвестно, что тебя ждет, заблудиться, впасть в крайность, даже в болезнь, а потом мужественно преодолевать все невзгоды и с честью выйти из губительной ситуации. Правда, те, кто идет с Борисом Николаевичем, могут оказаться в некотором проигрыше, но это уже другой вопрос, их проблемы. А мы ведем речь о президенте.

Глядя на дело строго формально, можно обнаружить в разбираемой нами истории ельцинского анабазиса три взаимосвязанных элемента. Во-первых, добровольное и неподкрепленное никакими ресурсами («ничего с собой не взяли») движение туда, где может случиться неприятность (остается неизвестным, кто предложил забраться в пещеру, но трудно сомневаться, что вечный «организатор» Ельцин по крайней мере не противился этому). Во-вторых, сама неприятность — в данном случае недельные блуждания по тайге без еды и питья, обернувшиеся общей болезнью. В-третьих, героическое поведение по спасению от верной гибели себя и товарищей (от потери года удалось спасти лишь себя). Для краткости обозначим эти три элемента соответственно — устремление к опасности, пребывание в опасности, спасение от опасности. Или еще короче: «ошибка», «кризис», «спасение» — три ступени.

ЮНОСТЬ

Разумеется, на единственном, пусть даже и весьма показательном примере нельзя основывать теорию поведения первого президента России. Но в том-то и фокус, что в «Исповеди на заданную тему» подобных примеров великое множество, мы даже опасаемся, что иного рода примеров там попросту нет. Вот школьник Ельцин крадет с военного склада гранату, разбирает ее, не вынув запала («не знал»), — «взрыв... и пальцев нет». Из текста «Исповеди» невозможно понять, как будущему президенту удалось отделаться в этой ситуации лишь потерей нескольких пальцев, но вот злые языки утверждают, что он в критический момент как-то ловко играючи бросил ее товарищу, и тот так легко не отделался... Не знаем, не можем ничего утверждать, не имея неопровержимых свидетельств, но трехходовку — «ошибка», «кризис», «спасение» — отметим.

Вот студент Ельцин летом путешествует по стране — «не имея ни копейки денег» и «минимум одежды». Едет на крыше вагона в компании каких-то амнистированных уголовников, и те предлагают: «Давай играть в «буру». Не умеющий играть в карты Ельцин соглашается. «И очень скоро они меня раздели до трусов. Все выиграли. А в конце они говорят: «Играем на твою жизнь. Если ты сейчас проиграешь, то мы тебя на ходу скидываем с крыши вагона — и все, привет. /.../ А если выиграешь, мы тебе все отдаем». Надо ли объяснять, что в этой экстре-

мальной ситуации Борис Николаевич выиграл? Непонятно только, зачем он вообще садился, если не умеет (у самого у него одно объяснение: «не согласиться было нельзя»), и как ему все-таки удалось выиграть («мне сложно понять»). Так или иначе, все три выше намеченных нами элемента налицо: сел играть не умея, проигрался в пух, отыгрался.

Еще: как известно, Ельцин очень любил волейбол. Ночами занимался институтскими предметами, а днем тренировался по шесть-восемь часов. И перенапрягся. «А тут, как назло, заболел ангиной, температура сорок, а все равно пошел на тренировку, ну, и сердце не выдержало. Пульс 150, слабость, меня отвезли в больницу. Сказали лежать и лежать, тогда есть шанс, что месяца через четыре, минимум, сердце восстановится, а иначе — порок сердца». Само собой, из больницы Ельцин сбежал и скоро «стал добираться до спортивного зала, на несколько минут выходил на площадку, пару раз мяч возьмешь, и все, валишься. Меня ребята оттащат к скамейке, и я лежу. Это была тупиковая ситуация, думал не вырвусь уже, так сердце и останется больным и спорта мне уже не видать. Но все равно стремился только в бой и только вперед». Постепенно все выправилось, врач через некоторое время сказал, что «сердце в полном порядке». Ельцин признает в своей книге, что в тот момент «мог сердце погубить навсегда». «Но, — добавляет он, — я считал, что надо его не жалеть, а напротив, нагружать как следует и клин клином вышибать».

Последнюю мысль президента мы еще вспомним, когда будем говорить о радикальной экономической реформе. А здесь лишь констатируем, что и в этом примере отчетливо просматривается трехступенчатая схема.

◦

ПОЛЕМИКА

И оставим пока что примеры из президентских детства, отрочества, юности. Тем более что некоторые из них (а также многие другие) уже разбирались в нашей статье «Вариации на „тему“ Ельцина» (см. «Независимая Газета» от 28.04.93), посвященной главным образом «Исповеди на заданную тему», первой автобиографии Ельцина. В той статье говорилось, что сквозной (и к тому же «заданной») «темой» жизни президента является «тесная связка гибели и чудесного спасения от нее», некое периодическое впадение в опасные ситуации, из которых он потом с честью выходит. Там же отмечалось, что «многие из этих ситуаций Борис Николаевич создает своими собственными руками».

Не скроем, нам приятно сознавать, что президент читал эту нашу старую статью о нем (хотя, может быть, он читал один из многочисленных пересказов, появившихся впоследствии в прессе), и косвенно отреагировал на нее в своей книге «Записки президента»: «Где-то я прочитал про себя, что слабость Ельцина в том, что он сам себе создает препятствия, которые потом с огромным трудом, героически преодолевает.

Но это не так. Препятствия меня находили сами. Всегда. Я их не искал...»

На это мы вынуждены возразить Борису Николаевичу словами булгаковского Воланда: «Кирпич ни с того ни сего никому и никогда на голову не свалится». И даже готовы в этой связи покритиковать президента за его какую-то по-детски несерьезную мистику: «Препятствия меня находили сами». Да разве это возможно? Нет. «Я их не искал», говорит он. А нам и не приходило в голову обвинять господина Ельцина в том, что он *сознательно* «ищет бури». Мы всегда утверждали и продолжаем утверждать, что он это делает вполне *бессознательно*. И совершенно напрасно в своих «Записках» он приводит примеры (как бы в пику нам, судя по месту в книге), показывающие, что он побывал в том числе и в катастрофах, совершенно независимых от него. Ведь речь у нас никогда не шла о том, что он всегда занимается исключительно только созданием экстремальных ситуаций, из которых потом с блеском выходит.

Речь всего лишь о том, что он *нередко (и всегда бессознательно)* занимается созданием таких ситуаций. Или — вариант — каким-то сверхъестественным образом чует такие ситуации и, как магнитная стрелка, разворачивается в их сторону, как бы подключается к ним, впадает в них.

Так или иначе, можно констатировать: в душе президента (также как в душе каждого из нас) есть особая неосознаваемая им инстанция, ведущая его по жизни. То есть он даже вроде бы знает о ней («всегда как будто меня кто-то выручал»), но, как и большинство людей, он не знает о ее природе и свойствах. А между тем это вещь не такая уж и сложная.

ЖРЕБИЙ МЛАДЕНЦА

Объясним ее здесь, опираясь на один из простых и хорошо работающих вариантов психоанализа. Согласно ему поведение человека во многом определяется некими формируемыми в раннем детстве психологическими структурами, которые задают определенные программы поведения. Эти программы включаются автоматически и проигрываются без контроля сознания индивида (см. например, Эрик Берн «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры»). Одна из таких структур называется «Ребенок», а одна из программ проигрываемых этим «Ребенком» во взрослом человеке называется «Алкоголик». Именно на эту игру (точнее — на ее версию, называемую «Крутой парень»), описанную Эриком Берном, более всего подходит трехтактная схема, обнаруженная нами в поведении Ельцина. Но только не надо думать, что здесь у нас содержится намек на пристрастие президента к алкоголю. Мы ничего не знаем и знать не хотим о том, пьет он или нет. А Берн дал такое название этой игре потому, что схема ее была открыта в процессе анализа поведения алкоголиков. Но соответствующим образом могут вести себя в том числе и люди никогда даже в рот спиртного не берущие (и наоборот — люди, сильно пьющие, не обязательно игроки в «Алкоголика»).

Но не будем останавливаться на деталях интеракционного анализа. Вернемся к нашему герою. Погибающий («кризис») по небрежению («ошибка») кого-то (пьяного попа) ребенок, которого «спасает» мать, — это описание ельцинского крещения (см. начало настоящей статьи). И одновременно это исчерпывающее и совершенно ясное описание той первоначальной схемы, которая, будучи структурой души нашего президента, предопределяет многие (если не все) значимые моменты его жизни. Подчеркнем: даже если в реальности процедура крещения проходила иначе, чем это описано Ельциным в книжке, все-таки (и тем более) — тот факт, что наш герой излагает ее *именно так*, говорит о многом. Это говорит о том, что Ельцин описывает не просто случай из жизни, но — основополагающую парадигму своей психики. Именно эту парадигматическую сцену гибели и спасения, запечатленную в душе, президент постоянно воспроизводит на уровне внешнем, поведенческом. Причем эта сцена гибели-спасения в его душе настолько влиятельна, что — для того, чтобы воспроизводить ее снова и снова, президент (несчастный бессознательный младенец в нем) периодически совершает «ошибку» (о которой взрослый Ельцин ничего, конечно, не знает, по крайней мере — в момент совершения), приводящую к губительному «кризису» (разной степени тяжести), из которого приходится выходить с огромным трудом и тяжелыми жертвами (в том числе и человеческими).

Если бы наш президент был только человеком, умеющим спасать и спасаться от опасностей объективного характера, цены б ему не было. Особенно — если бы этот дар сочетался с разумной конструктивной деятельностью. Но, к сожалению, во многих его поступках по видимости конструктивных содержится скрытая (а в последнее время все чаще явная) «ошибка», являющаяся залогом необходимых для детской части его души актов «спасительной» борьбы.

В следующих трех главах мы приведем примеры ельцинских описаний «ошибки», «кризиса» и «спасения», в которых Борис Николаевич не только проговаривает суть соответствующих «тактов», но и передает свои состояния в момент их прохождения. К тому же эти ельцинские описания помогут по-новому взглянуть на некоторые события недавней истории.

ПСИХОЛОГИЯ «ОШИБКИ»

То, что мы здесь называем «ошибкой», вещь в общем-то хорошо и давно изученная. Еще Фрейд подробно разработал ее в своей «Психопатологии обыденной жизни». Речь, собственно, о том, как бессознательное достигает запретных для сознания целей.

91-й год. Единственный эпизод Ново-Огаревского процесса, который в «Записках» излагается подробно, является одновременно и самым важным для нас. Вот он: перед отъездом Горбачева в Форос встретились Горбачев, Ельцин и Назарбаев. «Разговор начали в одном из залов особняка. Все шло нормально, но когда коснулись тем совсем конфиденциальных, я вдруг замолчал», — рассказывает Ельцин. Дело в том, что ему показалось («необъяснимое ощущение»), что их подслушивают. И хоть Горбачеву это «ощущение» Ельцина показалось не слишком основательным («Да брось ты»), все же собеседники вышли на балкон, где стали говорить о том, что надо избавиться от одиозного окружения Горбачева: Крючкова, Павлова, Пуго, Язова, Янаева — будущих ГКЧПистов. Горбачев вроде бы соглашался, готов был обсудить детали — «после 20 августа».

«Такой была эта встреча, и, я думаю, многое сложилось бы иначе, если бы то, о чем мы договорились втроем, удалось осуществить. История могла пойти совсем по другому пути». Не пошла. Случился путч, вскоре после провала которого Ельцин «своими глазами увидел расшифровку» того самого разговора трех руководителей, сделанную компетентными органами. «Может быть, эта запись и стала спусковым курком августа 91-го года», — заключает Борис Николаевич. Но если это действительно так, то в августовском путче есть немалая доля вины президента России, который, подозревая прослушку, все-таки затеял серьезный конфиденциальный разговор там, где его могли записать (всякому известно, что для тайных обсуждений плохие конспираторы выходят именно на балкон, и ГБ это не могло не учитывать).

Мы, конечно, далеки от подозрения, что Ельцин как бы сознательно адресовал некое сообщение тем людям, о которых шла речь в том разговоре (он, в конце концов, не гений контрразведческих игр). Но вот возможности бессознательного нашего президента действительно, как видно, весьма велики, и оно на излете Ново-Огаревского процесса вполне могло отколоть шутку, последствием которой стал путч и в дальнейшем уже естественный развал Союза. Мы, конечно, не стали бы об этом говорить, если бы Ельцин сам не продемонстрировал, что он почти осознает задним числом, что «спусковым курком» всего последующего были его предложения избавиться от потенциальных путчистов (которые таким образом сконсолидировались), сделанные 29 июля 1991 года на балконе в Ново-Огареве. Это была «ошибка», «кризисом» было утро 19-го августа, дальше было «спасение», которое президент провел идеально-героически.

Конечно арсенал «ошибок», при помощи которых бессознательное президента достигает своих целей, огромен. Приведем еще один, хотя и не до конца понятный случай. Дело было в Испании. Ельцин летел тогда на небольшом шестиместном самолете из Барселоны куда-то в глубинку. Сел в самолет... Дальше надо цитировать: «Я похлопал пилота по плечу: ну что, грохнемся сегодня? Летчики посмеялись — они же каждый день летают. Им это и в голову не пришло. /.../ И вот мы еще не пролетели половины пути, как вдруг у самолета что-то отказывает... Летим обратно. Самолет бросает с крыла на крыло. Пилоты пробуют ручные рычаги управления, но тщетно. Самолет крутит. Кое-кто побледнел, кому-то совсем плохо. А я, как ни странно, шучу в такие моменты».

Читая такие вещи, вдумчивый читатель не может не задаться вопросом: что здесь в основе — сверхъестественная интуиция (не думаю, что президент всегда и во всех летчиков спрашивал: грохнемся ли?) или суггестия, внушение, этакая подначка: давай-ка, сделай что-нибудь, чтобы грохнуться. Ну и конечно, этот висельный юмор поражает. Пилот озабочен,

оглядывается. «А мы увидели речку и кричим: давай в воду, успеем выскочить, пока самолет потонет! Нам уже совсем весело». Ну а на подлете к аэродрому (как будто действительно из-за веселья воцарившегося в салоне) новая неприятность — шасси не выпускаются. «И в момент касания с землей, показалось, самолет просто рухнул». У Ельцина между третьим и четвертым позвонками оказался выбит диск. Далее — операция, и все снова стало хорошо, но это уже другие такты. Что касается «ошибки», запомним: президент в момент ее совершения бывает весел (другие примеры это подтверждают).

«КРИЗИС» КАК ПОХМЕЛЬЕ

Чтобы понять, что такое «кризис», обратимся к истории свердловских времен: «Однажды накануне праздника (7 ноября. — *О.Д.*) я возвращался в Свердловск. Ехать надо было километров шестьдесят, водитель сбился с пути, и в конце концов машина капитально застряла в какой-то канаве. /.../ Посмотрели по карте: до ближайшей деревни восемнадцать километров. Время — одиннадцать часов. А в девять утра я должен быть в Свердловске. Если первое лицо в области не появится 7 ноября, в главный праздник страны, на трибуне — это не катастрофа, это хуже. Такого не может быть».

И вот битых два часа (он пишет — «полтора») Борис Николаевич корячится, пытается вытащить «газик» из канавы. Во втором часу ночи стало ясно, что ничего не получится. «... И вот мы втроем, по колено в снегу, в крошечной тьме, бредем в сторону деревни». Дошли. И хоть деревня была вся в пьяном угаре, Ельцину удалось дозвониться до Свердловска и добиться, чтобы за ним выслали вертолет. «С боем часов, в десять ноль-ноль я торжественно поднялся на трибуну. Успел!»

Не стоит объяснять, что трехтактная схема ельцинского поведения здесь сохраняется (жаль, конечно, что президент не объясняет, как ему удалось забраться в эту канаву и зачем он более двух часов возился с застрявшей машиной, когда быстрее было дойти до деревни). Но история эта замечательна тем, что, рассказывая ее, Борис Николаевич почти докапывается до глубинных причин своей трехходовки. Во всяком случае — точно описывает свое психологическое состояние в момент, когда на него накатывает темное вдохновение. Вот его собственный комментарий:

«...История эта, как, наверное, догадался читатель, одна из тех, что вспоминаешь частенько. Или видишь во сне. Когда вдруг охватывает тебя это ощущение полной безысходности — как в том снегу, где ступаешь в темноте неизвестно куда, как в той деревеньке, словно заколдованной...

Почему-то обязательно нужно успеть на трибуну, не опозориться. Страшная тревога.

Может и есть в этом какая-то мистика — не знаю. Но думаю, что этот повторяющийся сон в моей жизни неслучаен. И его — по сюжету — преодоление тоже.

При малейшем ощущении своей беспомощности, скованности охватывает меня эта тревога».

Интереснейшие признания. Глубинную природу этой «тревоги» («тревожки», как выражаются иногда психиатры) мы рассматривать не будем, но подчеркнем, что симптом «страшной тревоги» указывает на то, что в нашем случае «кризис» — это не просто досадное препятствие, помеха, объективное состояние, когда человек попадает в беду. Это необходимый элемент трехтактной схемы. То, ради чего совершается «ошибка». Нечто вроде «похмелья» в упомянутой выше психологической игре — то, ради чего некоторые пьют или совершают «ошибку».

После «ошибки», совершенной на Октябрьском (1987г.) Пленуме ЦК КПСС, Борис Николаевич получил инфаркт, был потоптан соратниками и отправлен в Госстрой. Вот его переживания там: «Трудно описать то состояние, которое у меня было. Трудно. Началась насто-

ящая борьба с самим собой. Анализ каждого поступка, каждого слова, анализ своих принципов, взгляда на прошлое, настоящее, будущее»... И так далее. Знакомый многим синдром. Но не все почему-то возводят его в такой прямо-таки космический ранг: «Что у меня осталось там, где сердце, — оно превратилось в угли, сожжено. Все сожжено вокруг, все сожжено внутри...» Душа горит. Но есть и другие симптомы: «Меня все время мучили головные боли. Почти каждую ночь. /.../ Это были адские муки. Часто терпения не хватало, и думал, вот-вот сорвусь». Так в «Исповеди», а в записках отчасти разъясняется этиология этих «мук»: «немногие знают, какая это пытка — сидеть в мертвой тишине кабинета, в полном вакууме, сидеть и подсознательно чего-то ждать... Например, того, что этот телефон с гербом зазвонит. Или не зазвонит». «Подсознательно» он ждал возможности возвращения «на трибуну».

ПОБЕДИТЕЛЬ

Ельцин победитель — тема слишком всем знакомая. Все знают, как он бывает деловит и собран, когда выходит из «кризиса». Так что не будем останавливаться на «спасении» слишком подробно, тем более, что из приведенных примеров (и тех, которые еще приведем) многое само собой становится ясно. Надо только заметить, что именно «страшная тревога», которую мы разобрали в предыдущей главке, является тем двигателем, который заставляет президента всякий раз всплывать на поверхность. Именно она гложет и толкает президента вверх: «обязательно нужно успеть на трибуну, не опозориться». Кстати, один из самых важных моментов жизни Бориса Николаевича был связан как раз со стремлением «успеть на трибуну». Мы имеем ввиду XIX партийную конференцию.

Испытав в Госстрое один из самых тяжелых и длительных в своей жизни пароксизмов «страшной тревоги», накопив огромный ее потенциал, который необходим (позволим себе выдвинуть такую гипотезу) для успешных мероприятий по «спасению», Ельцин понял: нужно «выползти, выбираться из кризиса, в котором я очутился». Опустим здесь то, как он вообще попал на конференцию, остановимся только на том, как он «успел на трибуну».

Поскольку он думал, что его на трибуну конференции не пустят, то «решил брать трибуну штурмом». Как это было, все видели. Но вот как это видит сам герой: ребята из КГБ «распахнули обе створки дверей, я вытащил свой красный мандат, поднял его над головой и твердым шагом пошел по этому длинному проходу, прямо к президиуму». Так входит в клетку к хищникам укротитель. Далее: «Когда я дошел до середины огромного дворца, зал все понял. Президиум — тоже. Выступающий, по-моему из Таджикистана, перестал говорить. В общем, установилась мертвая, жуткая тишина. И в этой тишине, с вытянутой вверх рукой, с красным мандатом, я шел прямо вперед, смотря в глаза Горбачеву. Каждый шаг отдавался в душе».

Не правда ли, есть в этом великолепном неостановимом движении, разрушающем заведенный порядок, какая-то магия, подлинный артистизм. По крайней мере, Ельцин это видит именно так, так передает. Далее — ловкие маневры, чтобы не вывели из зала. И наконец, речь, начавшаяся оправданиями и закончившаяся просьбой о политической реабилитации (в промежутке — партийная чушь). Может быть, в этих играх опального секретаря и было что-то детское, даже жалкое (особенно, если смотреть из нашего времени), но вообще-то это было началом триумфального шествия Ельцина на российский престол.

ШОК

Теперь сразу перенесемся во времена полной и окончательной победы ельцинизма в России, в конец 91-го года, когда Борис Николаевич выбирал себе радикального реформатора по сердцу. «Почему я выбрал Гайдара?» — спрашивает он сам себя и отвечает: «Гайдар прежде всего поразил своей уверенностью», будет «идти до конца в отстаивании принципов», «умел

говорить просто», «умеет заразить своими мыслями, и собеседник начинает ясно видеть тот путь, который предстоит пройти», «научная концепция Гайдара совпадала с моей внутренней решимостью пройти болезненный участок пути быстро», за Гайдаром стояла «целая команда очень молодых и очень разных специалистов». Так говорит Ельцин, но, видимо, понимая недостаточность этих своих аргументов, добавляет: «...И все-таки внятно объяснить свой выбор все равно непросто. Самое главное — и теперь я в нем не раскаиваюсь. И еще знаете, что любопытно — на меня не могла не подействовать магия имени. /.../ Егор Гайдар — внук писателя... И я поверил еще и в природный, наследственный талант Егора Тимуровича».

Кстати, и мы в свое время, когда увидели впервые Гайдара по телевизору, услышали, как он разговаривает, тоже сразу подумали о «наследственном таланте» Гайдара. Да и как было об этом не подумать? Ведь лицо и манеры этого радикала были весьма интригующи, а информации о нем — ноль. Пришлось добывать информацию о внуке, штудирова произведения деда и литературу о нем. Картина открылась довольно макабрическая: дед был отдан под трибунал за бессудные расстрелы мирных жителей, но суда избежал и написал свою первую книжку с симптоматичным названием «Жизнь ни во что». В последующих произведениях Аркадий Гайдар продолжал не ставить жизнь ни во что (почитайте, например, «Школу»), а в быту проявлял дурные наклонности. Подробности гайдаровской патографии можно найти в нашей статье «Кто разбил голубую чашку?», написанной в январе 92-го года (см. «Синтаксис» №32, перепечатка — «Литературные новости» №24). В ней было сделано предположение (которое по мере работы Гайдара в правительстве в точности подтвердилось), что вице-премьер обладает, как бы это помягче выразиться, деструктивными чертами характера (наследственными).

Разумеется, мы говорим об этом не для того, чтобы похвалиться своей проницательностью и верной методологией. Мы говорим об этом для того, что бы стало ясно: то, что аналитик может показать путем кропотливых исследований, человек, обладающий великой интуицией, видит сразу. И хотя, может быть, не отдает себе отчета в том, что видит, он использует увиденное в своих целях. Обладающий феноменальным чутьем Борис Ельцин мог с первого взгляда разглядеть в Гайдаре столь нужную для президентской «ошибки» деструктивность — ту самую, которую мы вскрыли, занимаясь анализом биографии и произведений дедушки Гайдара, «увидел путь, который предстояло пройти» (теперь все его видят). Конечно, по своему обыкновению президент (не злодей же он в самом деле) не отдал себе отчета в природе своей симпатии к человеку, впоследствии приложившему столько сил и таланта к разрушению нашей экономики, но деструктивный дар Гайдара где-то в глубинах своего подсознания настолько ценил, что призвал его, уже отставленного, снова под свои знамена (в правительство) на время кровавой фазы борьбы с парламентом.

Впрочем, надо отдать себе полный отчет в том, что шоковая терапия для Ельцина — это не столько экономическая идея, сколько принцип его собственного существования. Необходимость шока для страны президент объясняет исходя из своего богатого опыта насилия над собственным организмом. Мы уже приводили примеры такого насилия. Из двух его опубликованных книг можно извлечь еще несколько десятков таких примеров. Но дело даже не в них, дело в том, что у человека есть кредо: «Да, в каком-то смысле Россия — мать. Но в то же время Россия — это мы сами. Мы — ее плоть и кровь, ее люди. А себя я шоковой терапией лечить буду — и лечил не раз. Только так — на слом, на разрыв — порой человек продвигается вперед, вообще выживает».

◦

КАДРЫ

Однако назначение Гайдара главным реформатором — это еще не полная «ошибка», это, так сказать, полбеда. Настоящая ошибка, приведшая в конце концов к большой крови в сочетании шоковых реформ Гайдара и Советов, имевших власть им противиться, привело впоследствии к кризису. И Ельцин сам это понимает: «Да, наверное, я ошибся, выбрав главным направлением наступление на экономическом фронте, оставив для вечных компромиссов, для политических игр поле государственного устройства. Я не разогнал съезд. Оставил Советы».

Разумеется, начиная шоковые реформы и при этом сохраняя Советы, Ельцин не понимал, что делает. Может быть он так ничего и позже не понял, хотя и сделал в «записках» вполне определенные признания: после августовского путча «идея роспуска съезда и назначения новых выборов (можно было поставить и вопрос конституции для новой страны) витала в воздухе. Но мы ею не воспользовались». Как можно понять из текста — потому, что были сомнения «готово ли было общество к тому, чтобы выдвинуть других, „хороших“ депутатов».

Вряд ли у кого-то сегодня могут возникнуть сомнения в том, что «лучших» для президента депутатов, чем те, которые могли быть выбраны в конце 91-го года, в России уже никогда не будет (на той же странице «записок» и Ельцин это подтверждает: «Настроение в обществе было довольно определенное: крушить!»). Но как было расстаться со старыми депутатами — теми, с которыми конфликты уже случались и в дальнейшем были гарантированы? Нет, конечно, в тот момент на высшем подъеме все казалось прекрасным. Хазбулатов был другом. Руцкой был душкой.

Кстати, здесь попутно стоит заметить, что в мировой истории трудно найти лидера ранга Ельцина, который бы столь «неудачно» подбирал себе соратников. Весь соратнический контингент первого президента России можно условно разбить на четыре категории: те, кто вступили в открытый конфликт с президентом, «предал» его (Баранников, Руцкой, Хазбулатов), те, кто попался на (подозревается в) экономических преступлениях (Ильющенко, Сосковец, Тарпищев), те, кто вызвали ненависть у населения и таким образом понизили рейтинг популярности президента (Бурбулис, Гайдар, Чубайс), и наконец те, кто не попал в первые три категории (потому что — не слишком заметны, пока не попались или, можно и это допустить, верны, чисты, симпатичны).

Разумеется, наша классификация условна, а списки названных фамилий могут быть продолжены — некоторые соратники могут быть уже сейчас подведены под несколько категорий (Коржаков), другие могут в будущем оказать одновременно предателями, мошенниками и объектами ненависти. Сейчас ясно одно: Ельцин обладает поразительным даром подбирать кадры, которые потом будут подводить его. Особенно страшно это сказалось в 93-м году.

АРТПОДГОТОВКА

Ради точности надо заметить, что по ходу подготовки событий октября 93-го года в мятущейся душе Ельцина последовательно включались как минимум три трехтактных процесса. Можно спорить о том, насколько они разнородны, как взаимодействовали, в какой степени накладывались друг на друга... Но они вполне различимы.

Черты первого, начавшегося еще в конце 91-го года, мы уже отчасти наметили. Он привел к затяжному кризису двоевластия, который еще не разрешился, когда включился еще один, встроенный в первый, процесс: подготовка к разгону парламента. «Ошибка», запустившая этот процесс, состояла в том, что Ельцин «знал, что утечка информации недопустима» и тем не менее допустил такую утечку. То есть не он буквально рассказал противнику о своих планах, но — непонятно, как можно было рассчитывать обойтись без утечек, если знаешь, что «только что уволенные бывшие министр безопасности Баранников и первый замминистра внутренних дел Дунаев, естественно, сохраняли неформальные связи со своими бывшими подчиненными». Правда, это написано когда уже все кончилось, но — разве трудно было догадаться сразу, что к

операции рано или поздно придется подключать высших офицеров министерств безопасности и внутренних дел? Совсем нетрудно.

Судя по тому, что Борис Николаевич все время и очень настойчиво возвращается к этой злополучной утечке, он ее ожидал: «То, чего я так боялся, свершилось. Белый дом становится центром противостояния президентскому указу». А ведь первоначальный расчет был совсем на иное: «В 20.00 — телетрансляция моего обращения к народу. Части дивизии Дзержинского, которые к этому моменту должны быть в Москве, берут под контроль Белый дом. В выходные дни он пуст, никаких проблем не должно возникнуть».

Кстати напомним, что первоначально дата объявления указа, вошедшего в историю под номером 1400, была назначена на 19 сентября, воскресенье, но 17-го, когда стало известно, что произошла утечка, министры стали предлагать отложить разгон на неделю (возможно, хотели вообще дело замять), говорили даже, что 19 число может вызвать «нездоровые ассоциации» с 19 августа. Ельцин «согласился с переносом, но не на неделю, а на два дня». И тем самым дал противнику возможность консолидироваться, но не дал возможности расслабиться (на что рассчитывали советники, предлагая начать операцию через неделю). «В воскресный день Белый дом, который, по нашим первоначальным расчетам, должен был быть пустым, оказался забит до отказа. В Понедельник эта паническая деятельность продолжалась. В Белый дом призывалось все больше и больше людей». Так было создано необходимое условие для подведения государства к акту пролития (неважно, с какой стороны) большой крови. Но — еще недостаточное условие.

◦

ВЗРЫВ

Достаточное условие для этого было создано при помощи еще одной «ошибки» президента. Дело в том, что даже после того, как защитники собрались внутри Белого дома и вокруг него, «даже в теоретическом плане не рассматривалась возможность взятия здания». И тем не менее был объявлен ультиматум: «последний срок сдачи оружия — 4 октября. Если не выполнят наше требование, тогда будем рассматривать более жесткие варианты давления на заговорщиков». «Ошибка» в данном случае состояла в том, что, объявив этот ультиматум людям, которых перед тем долго дразнили и травили, людям которых считали бандитами (да еще и вооруженным), милицию, окружавшую Белый дом, тем не менее оставили, безоружной (объяснения этому даются, разумеется, самые гуманные: «не допустить даже случайных жертв»). Беспечность сверхъестественная, просто не укладывающаяся в голову. Ведь ни один человек с головой, следивший в те дни за ситуацией в Москве, не мог усомниться в том, что 3 октября что-то произойдет. Ведь никто ничего не скрывал — по городу были расклеены листовки, в которых население призывалось на массовые митинги в этот день (они сохранились, можно проверить), первомайские события 93-го не оставляли сомнений в том, на что готова эта толпа. А президент, побывав с утра на рабочем месте, отправляется — это пикантно! — в Барвиху: «побыть просто мужем, отцом, дедушкой».

Следующая фраза гениальна: «В это воскресенье не удалось». Позвонил Барсуков, сообщил о том, что происходит в Москве. «Я выслушал его, сердце в груди забухало, подумал про себя: Господи, неужели началось...» Красноречивое многоточие. Дальнейшее, в общем известно: город был отдан что называется на поток. Но вот замечательное объяснение бездействия властей в эти часы: оказывается, готовили «указ о введении чрезвычайного положения в Москве. В шесть часов вечера указ был подписан». Бессмысленно спрашивать, почему он заранее не был на всякий случай подготовлен, почему человеку только что растоптавшему конституцию понадобился какой-то указ для того, чтобы навести порядок? Без юридической

бумажки не подчинились бы войска? Возможно и так, они и с ней-то едва подчинялись («Я старался вывести из состояния стресса, паралича своих боевых генералов»). Но мы-то уверены, что в эти часы Ельцин накапливал потенциал своей пресловутой «тревоги», чтобы потом уж «дать сдачи» (как он недавно выразился) по полной программе. И это в контексте трехтактной теории поведения Ельцина мы называем «спасением».

БДИ!

После 93-го года президент продемонстрировал еще много трехтактных циклов. Причем они беспорядочно накладывались друг на друга, шли параллельно. Видно было, что человек не находит себе применения. Да и нам трудно их отделить друг от друга. Две «ошибки» — ввод войск в Чечню и потакание странной идее не выплачивать заработанную зарплату привели к «кризису» (максимально низкий перед началом предвыборной кампании рейтинг), который — можно ли сомневаться? — доставил президенту немало «тревожных» часов. Предвыборная кампания, на которую он в результате решился, была настоящим «спасением». Борис Николаевич провел ее мощно, на большом подъеме и, естественно, выиграл. Правда эта кампания нам (населению) слишком дорого стоила (35—40 млрд. долл. — на такие деньги мы могли бы купить себе хорошего американского президента), но кто же смотрит на расходы, когда речь идет о «спасении» демократии и ее гаранта? Только не Ельцин.

Предвыборное «спасение» заключало в себе помимо всяких «ошибочных» мелочей серьезную «ошибку», давшую начало следующему большому трехтактному циклу. Речь идет о перенапряжении изношенного постоянными шоками (см. выше) президентского организма, переросшем в серьезную болезнь («кризис»), поставившую Бориса Николаевича на край могилы. Но он победил болезнь, «спасся» от смерти. И — не только при помощи врачей. Никакие врачи не помогут, если человек не борется за свою жизнь так же отчаянно, как боролся наш президент, например, с врагами демократии. Но эта болезнь показала: сколько веревочке ни виться, конец будет. Еще один трехтактный цикл, и мы можем необратимо лишиться своего президента.

Все это может показаться ужасным, но с точки зрения вечности это и не хорошо и не плохо. Это факты, с которыми нельзя не считаться, которые можно использовать для того, чтобы сделать жизнь как-то более приемлемой. В конце концов, именно такого человека, как наш президент, захотел иметь над собой российский народ, характер которого, кстати, очень напоминает характер Бориса Николаевича. Тоже работает по трехтактной схеме. Ведь сколько раз в истории мы пускали врага под (и в) Москву, и ничего — всякий раз выходили с победой. А что касается разрухи, так на нее есть синергия (очень оптимистическая, кстати, теория).

И в заключение, нам хотелось бы опровергнуть одно устоявшееся мнение. Говорят: президент непредсказуем, никому неизвестно, как он поведет себя в следующий момент, что он сделает. Почему же — неизвестно? Как раз очень хорошо известно. Надо только понимать его характер, видеть, в какой стадии своего трехтактного цикла он в данное время пребывает. Если в нем только что закончился цикл, то надо ожидать «ошибки» (в преддверии и в момент совершения которой он обычно бодр и «весел»). Если «ошибка» уже совершена, то надо вместе с президентом терпеливо ждать «кризиса», на подходе к которому (и в процессе) президент будет некоторое время тянуть и медлить, накапливая потенциал «тревоги». И наконец, на исходе «кризиса» начнутся быстрые и решительные действия — собственно стадия «спасения». Все это абсолютно предсказуемо, а уж из какого материала хозяин будет лепить свои деяния (то есть — что именно сделает), всякий раз можно понять, исходя из текущего контекста.

Март 1997

ПОСАД И КРЕМЛЬ. Станет ли Юрий Лужков президентом России?

Юрий Лужков родился 21 сентября 1936 года. Он стал вторым сыном в рабочей семье, проживавшей в бараках недалеко от Павелецкого вокзала. С появлением третьего сына выяснилось (сообщает Юрий Михайлович в своей книжке «Мы дети твои, Москва»), что «я „средний“, то есть срединный, нормальный, промежуточный. Похоже, это так на меня повлияло, что с тех пор навсегда исчезла способность воспринимать себя как нечто особое и отмеченное».

ЦЕНТР МИРА

Несколько кокетливое признание — ведь говорит это человек отнюдь не из средних. Ну да он тут же и уточняет: «Если что и отличало меня от других, то скорее как раз полное отсутствие интереса к себе, растворение в окружающем. Я был счастлив, что живу в этом городе, в нашем дворе, и всегда точно знал, что то место, в котором живу, лучшее в мире». Мэр и поныне (слегка по-кандидовски) считает, что родился в лучшем из миров. И поэтому абсолютизирует свое детство. Его убеждение, что «котлован на брошенной стройке» для ребенка лучше любого «западного диснейленда», может даже возмутить современных родителей. Но ведь это его шокирующее убеждение вытекает из фундаментальной психологической установки: «Мысль, что живешь в центре мира, естественна, где бы ни жил. Просто потому, что жизнь — повсюду, и у нее, как сказал один математик, центр везде, а периферия нигде».

Вообще-то мысль, что «живешь в центре мира», вовсе не так «естественна», как это кажется Юрию Михайловичу. Напротив, не так уж много людей ощущают себя живущими в центре мира. Разные бывают мироощущения. И соответственно разная у людей судьба. В частности известно, что люди, ощущающие себя находящимися в центре мира, чаще всего в центре мира и оказываются. Проблема лишь в том — в центре какого мира. Один оказывается в центре какой-нибудь бандитской компании, другой во главе государства и так далее. Разные бывают миры. И соответственно: в разные периоды своей жизни люди, для которых «мысль, что живешь в центре мира, естественна, где бы ни жил», могут оказываться в центрах разных миров. Тут важна установка: центр мира там, где я сейчас нахожусь, для меня естественно быть в центре моего мира, будь то мир бараков на Павелецкой, мир моего главка, мир города Москвы или еще какой-нибудь мир. И плюс: всякий мир, в центре которого я нахожусь, есть лучший из миров — уже потому, что именно я в центре этого мира.

Что же касается декларированного мэром «полного отсутствия интереса к себе», так это вовсе не обязательно означает наплевательского к себе отношения. Напротив: если ты ощущаешь себя растворенным в мире, то интерес к этому своему миру означает одновременно и интерес к себе. В сущности можно сказать, что для Лужкова «Я» — это не только его индивидуальное «Я», но и тот мир, который попадает в поле интересов (если угодно — в поле собственности) его «Я». Лужковское «Я» — это и двор, в котором он рос, и то химобъединение, которым он руководил, и тот мегаполис, в котором он сейчас хозяйничает. Лужковское «Я» — это и есть то, что он называет миром (лучшим из миров). И границы этого мира пролегают каждый раз там, где кончаются возможности этого «Я», где кончается (на сегодня) сфера его влияния.

СУДЬБА И КАРЬЕРА

Если говорить о поворотах карьеры Лужкова, то ключевое слово здесь будет «судьба». Да он и сам его постоянно употребляет. Например, он считает, что лучшим эпиграфом к истории его перехода на работу в городскую исполнительную власть было бы эпиктетово речение: «Судьба покорных ведет, а непокорных тащит». Кстати, перемещению из Министерства химической промышленности в Мосгорисполком он вроде бы даже очень сопротивлялся: «Вы что! Я инженер-механик, специалист по автоматизации химических производств. Когда был директором „Химавтоматики“, это, считал, мое дело. Не хотел уходить. Но здесь предложили главк по науке и технике — ладно. А больше, хоть стреляйте, никуда не пойду».

Это звучит немного комично не только потому, что нормальные люди так не разговаривают (все-таки Юрий Михайлович не слишком искусный писатель), но еще и потому, что с тех пор многое изменилось и сегодня идут постоянные разговоры о том, что Лужков метит в президенты. А тут — «хоть стреляйте, никуда не пойду», не сдвинулся с насиженного места...

В контексте того, что мы уже знаем об эгоцентрическом мироощущении Юрия Михайловича, это его нежелание двигаться с привычного места выглядит не так уж и неправдоподобно. В конце концов, ну что ему был этот Моссовет, если человек и так уже ощущает себя в центре прекраснейшего из миров, умело руководит этим миром, ловко обустраивает его (кто-нибудь может в этом усомниться?) во благо себе и тем, кто входит в его орбиту? И на черта ему тот Исполком («место, меньше всего соответствующее моему складу и темпераменту»), если и в родном министерстве еще непечатый край возможностей для обживания и расширения своего мира?

И тем не менее Лужков в конце концов соглашается — потому де, что его «предал» начальник, не стал бороться за него, даже не попытался отстоять его перед тогдашним главой Москвы Ельциным. Именно предательства наш герой не выдержал, взбесился... ну и перешел. Выглядит такое объяснение странно, но оно не обязательно ложно. Это проявится дальше, а пока заметим, что упомянутый нами разговор с Ельциным переменил жизнь Лужкова: «С того момента — между прочим, ровно с пятидесяти — я стал различать волю судьбы».

Разумеется, к «судьбе», о которой рассказывает Юрий Лужков, никакое «предательство» и никакое «желание остаться» прямого отношения не имеют. Судьба для человека, который ощущает себя центром своего мира, это некая абсолютно внешняя инстанция, которая переносит его (понуждает переходить) из рамок привычного любовно обустраиваемого мира в другой, который поначалу кажется чуждым и непригодным для жизни. Ясно, что такой персонаж, как Лужков, немедленно начнет свой новый мир обустраивать. Но все же все последствия такого переноса нельзя заранее просчитать.

Если говорить о природе упомянутой инстанции, то, конечно, есть вещи, лежащие на поверхности. Например, нельзя отрицать, что роль этой внешней инстанции (судьбы) в жизни Лужкова с некоторых пор стал играть Борис Ельцин. Именно он перенес Лужкова сначала из Минхимии в Исполком. Именно он через некоторое время определил ему место в Мосагропроме. Он же после выборов нового Моссовета порекомендовал Гавриилу Попову предложить Лужкова (который не стал даже участвовать в этих выборах) на должность председателя Исполкома. Но, если копнуть только чуточку глубже, останутся только вопросы. Почему именно Лужков? Откуда Ельцин вообще узнал о Лужкове? Разве не было других? Или вот еще что непонятно — как он попал в Мосагропром? Сам Лужков подозревает, что его просто хотели подставить коллеги: «почему бы не двинуть соперника в такое гиблое место, где все кончают быстро и бесславно?» Или все-таки кто-то оценили его организаторские способности?

Ответов нет. Да и вопросы эти кажутся детским лепетом на фоне вещей действительно таинственных и ужасных. Например, именно в то время, когда Лужков с увлечением обживает новые для него исполкомовские миры, его первая жена (спутница со студенческих лет) смертельно заболевает... И, еще не зная о ее болезни, Лужков обращает внимание на другую жен-

щину, ставшую впоследствии его второй женой, «вечной любовью» и, так сказать, музой на поприще муниципальной деятельности.

ЗАСТУПНИК ОВОЩЕЙ

Так или иначе, Лужков был вырван из своего привычного и комфортного мира и погружен в мир враждебный и чуждый. Оказавшись в чужом мире, всякий мироцентричный человек — либо бежит из него, либо пытается его освоить. Посмотрим, что происходит с Лужковым в таких ситуациях.

Вот, скажем, его бросают в чужой разваливающийся мир Мосагропрома... Недавний химик был просто потрясен тем, что увидел на овощебазах: немыслимые условия хранения, чудовищное техсостояние, полный организационный развал, высочайший уровень корумпированности. Поначалу ему показалось, что «ситуация оставляет лишь один вариант: начать с того, чем мой предшественник кончил» (инсультные явления на нервной почве). Но что-то спасло.

Лужкову кажется, что «спасло обстоятельство чисто биографическое. Военное детство». Именно тогда испытывал незабываемое чувство голода. «По выходным выезжали на „огород“. Там в земле, говорила мамаша, жили добрые живые картофелины, о которых мы должны заботиться, потому что сами себя они защитить не могут. Мы их окучивали, пропалывали, а осенью выкапывали, везли в Москву и прятали в погреб. Сколько раз, ложась спать, я представлял себе, как они лежат внизу, в темноте погреба, прижавшись друг к другу боками. Это было самое вкусное, что мог тогда вообразить».

Живые овощи, к которым человек имеет личное отношение. Это вот уж действительно — нарочно не придумаешь. Нечто детски-мифологичное, явленное во взрослом мужчине. Но особенно для нас сейчас интересно то, что, только еще начиная осваивать новый для него овощной космос, наш герой сразу же набрасывает на него смысловую сетку своих представлений о жизни, семейные мифы. И притом это наивное — «живые картофелины» — отношение к гниющим овощам, уже не совсем чужим, сопровождается совершенно непосредственными болезненными ощущениями: «Это было невероятно, чудовищно, эмоциями».

Можно, конечно Лужкову не верить, но ведь это так органично: гибель живых овощей в мире, центром которого является лужковское «Я», — «непорядок» (словечко, сросшееся с Лужковым столь же прочно, как его кепка). А непорядок в таком мироустройстве, ощущается как «задетое самолюбие. Оскорбленное мужское достоинство». Это и должно быть так — просто потому, что «Я» и мир тождественны. И вот уже ущемленный эгоцентрик рассказывает, как он впал в отчаяние, когда Геннадий Хазанов назвал Москву «городом вечнозеленых помидор»: «Было обидно до умопомрачения». И сразу после концерта («так уж совпало») бедняга отправился в помидорный цех: «Я ходил среди „вечнозеленых помидор“, гниющих и мятых. Знал, почему они такие. Мог проследить весь их путь от рассады до прилавка. На каждом этапе этого пути всякий, кто прикасался к ним руками, добавлял какой-то изъян, хамское отношение. В самой закономерности этих изъянов было что-то дьявольское».

Вот и найден враг. Пора приступать к экзорцизму... Ан нет, Юрий Михайлович не стал бороться с дьяволом, «не объявил войну системе». Он «просто встал на защиту овощей».

«МЫЛОВАРКА»

Для того, чтобы ясно понять, почему беда овощей воспринимается столь эмоционально, надо разобраться в том представляет собой «Я» Лужкова. Для этого придется заглянуть в мир лужковского детства. Фундаментальной категорией здесь, конечно, является «центр». «Наш „центр“ находился у Павелецкого вокзала... — вспоминает мэр. — До Павелецкого ходили пешком, но то была забота взрослых. Детвора занималась тем, что находила в округе двора.

Тут был целый мир (здесь и далее в цитатах выделения наши. — О.Д.), предназначенный для детского постижения, с презрительно-уменьшительными названиями: „картонажка“, „мыловарка“, „пожарка“...» Запомним: «округа двора» — «целый мир», в котором обозначены три полюса «детского постижения»: «картонажка», «мыловарка», «пожарка».

Центральным и срединным полюсом в перечислении Юрия Михайловича оказывается «мыловарка». С нее и начнем (хотя сам мэр начинает с «картонажки»): «Мыловарка» стояла в самом *центре* двора. Там делали *хозяйственное* мыло и в довольно больших количествах. Но нас, детей, занимало не производство, а сырье — постоянно обновляемая и пополняемая гора гниющей падали». На эту падаль естественно слетались вороны. «Они-то и поглощали ребячье внимание. Мы били их из рогаток, воображая фашистскими захватчиками».

Особенно важная деталь: «На мыловарке работала, кстати, кочегаром моя мамаша. У нее было свое помещение — котельная. Там стоял паровозный котел и всегда было жарко, сухо и хорошо. Котел занимал *все* пространство помещения, горячий и огнедышащий, как пленный сказочный зверь. Мы кормили его углем, принося пищу со двора ведрами. Следили за уровнем воды в организме /.../ Выгребали серый, *неинтересный шлак*».

Как видим, «мыловарка», этот центральный пункт детского мира Лужкова, тоже в свою очередь четко структурирована. В ней есть внешняя часть: груды вонючего *сырья*, от которого наш юный герой отгоняет *захватчиков* и из которого делают *хозяйственное мыло*. И есть часть внутренняя (исподняя, связанная с мамашей), где тепло, хорошо и сухо, где стоит сказочный зверь (архетипическая печь), которого кормят, о котором заботятся. Самая сердцевина лужковского мира (и одновременно самый фундаментальный и архаичный слой мэрской психики) именно здесь, в этом, так сказать, материнском лоне кочегарки. Здесь железка воспринималась (поразительно, что и до сих пор воспринимается) как органическая система, в которой надо поддерживать жизнь (в частности, кидать уголь «точно в то место, где на фоне ровного красного огня выгорало черное пятно» — сугубый центр), чтобы она давала тепло и уют. И этот любовный уход за отопительной системой и был детской работой в охотку.

Но: «Впрочем главным была не работа, а то, что сейчас я бы назвал созерцанием, а тогда не знал, как назвать. Смотреть на огонь подолгу, не отрываясь, было любимым занятием. /.../ Нас тогда не водили в церковь. Ни золота окладов, ни пламени свечей не присутствовало в детской жизни в те годы. /.../ Но то, что пленило чудом православной литургии, я встретил как нечто знакомое. Потому что впервые душа испытала это в той кочегарке». Юрий Михайлович, конечно, ошибается, связывая мистику огня с мистикой именно только христианства. Будь он мэром какого-нибудь другого города, ему, может быть пришлось бы связать свои детские ощущения с какой-то другой религией, скажем, с зороастризмом. Но дело не в этом. Дело в том, что к намеченному выше комплексу кочегарки, добавляется таинственный объект детских созерцаний — огонь.

К сожалению Юрий Михайлович предпочитает не задерживаться на описании своих ощущений возле огня: «Такие минуты — святы, и говорить о них как-то нескромно». И тем не менее из его беглых намеков следует, что эти созерцания огня погружали его в состояния, которые человек менее целомудренный назвал бы мистическими.

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

Итак, мы установили, что личная мифология Лужкова сводится к тому, что он живет в центре некоего космоса. Точнее — в непосредственной близости от этого центра, каковой центр представляет собой устройство, внутри которого постоянно горит огонь, который ему (Юре Лужкову) надо поддерживать (кормить зверя) ради жизненного комфорта и который он может созерцать, находя в этом наивысшее духовное наслаждение. Стоит добавить, что иногда «Я» Лужкова может отождествляться и с самим огнем, но об этом позже.

Эта, так сказать, детская парадигма проецируется во взрослый мир нашего героя следующим образом: устройство (аппарат), дающее всякого рода блага, это уже не просто паровозный котел (или пленный сказочный зверь), но, скажем, весь Мосагропром или, позднее, вся инфраструктура Москвы (может быть, в более тесном и обозримом виде — аппарат правительства Москвы). Это административное устройство тоже надо кормить, выгребать из него шлаки и так далее. Кроме того, можно наслаждаться бликами огня в этом устройстве. В сущности огонь в нем — это то, посредством чего производится продукт: жизнь в городе.

Подчеркнем: речь идет вовсе не о топливе (каковым для административной кочегарки являются деньги и другие ресурсы), но о самом огне — об особой субстанции, быющей в топке аппарата, который тоже ведь не является грубо материальным котлом лужковского детства, но представляет собой сложную и тонкую структуру поддержания жизнедеятельности в большом городе. Что является огнем в этом административном устройстве? Вообще говоря — тонкая субстанция мысли (что, кстати, вытекает и из общечеловеческой мифологии огня). Административной, уточним, мысли.

Вот как сам Лужков описывает процесс горения в топке своего аппарата: «Искусство руководителя заключается в том, чтобы всех собрать, каждого выслушать и действительно, по совету Карнеги, восхититься его видением проблемы и знанием предмета. Задача руководителя — создать атмосферу обсуждения, творческой эйфории, «мозговой атаки». Тут можно, конечно, смеяться, представлять себе дело так, вот собирает мэр совещание, создает атмосферу, сидит слушает выступающих (созерцает сполохи разведенного им огня), иногда «незаметно подталкивает» участников, «направляет своими вопросами» процесс горения, «мозговой атаки»... Но вообще-то свято верит, что такие мероприятия приводят к результату — двоякому: во-первых, «наше итоговое решение — вот оно — складывается из ваших идей», а во-вторых, участник «уносит с собой огонек настроя на осуществление, ибо считает принятое решение своим».

В принципе Лужков различает два вида решений — «шаблонное» и «истинно управленческое». Сам он предпочитает рассказывать в основном об «управленческих решениях». И неспроста. Именно они создают ему репутацию хозяйственного гения. Описания Лужковым «управленческих решений» сводятся к тому, что они каким-то таинственным образом появляются в безвыходных положениях. «Лишь в тот момент, когда заходишь в тупик, появляется надежда на истинно управленческое решение». Оно «извлекает творческую энергию из казалось бы гиблого обстоятельства». Оно возникает из «такой ситуации, когда невозможно ни сделать что нужно, ни оставить как есть. Это мощное переживание погружает сознание в какую-то глубину, в хаос мысли и воли. Оттуда и только оттуда возникает подлинно управленческое решение. То, которое никогда не пришло бы в голову чисто логическим путем».

Запомним: безвыходная ситуация приводит Лужкова к погружению в некие глубины и извлечению из душевного хаоса неких внелогических решений. Процедура известная, многократно описанная мистиками и поэтами. Чаще всего она как раз описывается в терминах огня и горения (все эти пылания, угли, искры, пожары в душе). В связи с этим кругом символов становится более понятно и то, почему мэр так часто говорит о «жажде творческого открытия» в хозяйственной деятельности, об эйфории, возникающей после смуты безвыходности. В общем: «Руководитель должен испытывать такое же наслаждение при появлении долгожданного решения, как художник или ученый, когда восклицает „эврика!“ /.../ Просто то, что другим удастся в науке или поэзии, у него получается в сфере управления».

«КАРТОНАЖКА»

Продолжая знакомиться с топографией детского мира Лужкова (и соответственно — со структурой его взрослой психики), заглянем на «картонажку». Именно с нее мэр начинает:

«Забраться туда было проще всего. Там делали конфетные фантики, шоколадные обертки и прочую красоту». То есть перед нами, значит, открываются представления о красоте, мир лужковской эстетики. Точнее — то из чего эта эстетика выросла. Многие называют мэрскую эстетику безусловно убогой. Пусть так. Зато в ее корнях есть нечто трогательное: «Самих сладостей мне в детстве совсем не досталось, зато фантиками судьба не обделила. Склады (где хранилась „красота“ — О.Д.) запирались, но не охранялись. Мы забирались в огромные ангары и брали сколько могли». Тут в сущности дело не во вкусе шоколада, а во вкусе культуры. В условиях бараков, где родители совсем не следили за своими детьми (см. ниже), а тем более не давали им начатков того, что обычно называется культурой, ребятишки росли на подножном корму, на фантиках, на шоколадных обертках, которые были легко доступны. Вот Юрию Михайловичу теперь и кажется, что культура вещь простая и общедоступная. Потому наш эстет и начинает описание своего космоса с «картонажки» куда забраться было проще всего.

И отсюда же его пристрастие к художникам определенного типа. Ну что такое, например, произведения Глазунова и Шилова, если не эскизы тех самых фантиков? Та же эстетика, тот же стиль, те же приемы. Напечатай их в соответствующем размере, заверни в них конфетку и наслаждайся. Или вот, скажем, Зураб Церетели. Ведь его произведения про самому их смыслу представляют собой увеличенные до колоссальных размеров и выполненные в металле и камне фантики. В общем, и «фасадная архитектура» лужковской эпохи имеет своим прообразом раскрашенную обертку. Да и новодел его храмов внутренне пуст, лишь внешняя видимость старого зодчества... Так из глубин «картонажки» выползает нынешний облик Москвы.

Но вообще говоря, в фантичной эстетике нет ничего зазорного. Более того, такая эстетика может быть по-своему интересна, органична и даже всеобъемлюща. Скажем, поэзию, оказывается, можно воспринимать через обертку шоколада «Сказки Пушкина». Мэр объясняет: «Там на синем, гладком, хрустящем под пальцами фоне, в золотой от сияния комнате сидел некий юноша по имени Пушкин с бабкой по имени Няня. Чем завлекала эта картинка? Ни танков, ни самолетов. Но вся будущая привязанность к поэзии была мне словно предсказана этой оберткой. Подолгу вглядываясь в золотистую охру комнаты, я как бы пытался услышать звук пушкинской речи. И уже потом, в школе, получив доступ к стихам, погружался в сияние того самого света, что был подарен в виде красивой обертки как другим дарили шоколад».

Читая описание этой фантичной иконы, нельзя не вспомнить о сиянии огня, которое созерцал маленький Юра, сидя в уютной кочегарке у паровозной топки. А рядом, конечно, «мамаша». Похоже, живописующий свое детство мэр потому и выделяет из всех украденных им оберток именно пушкинскую, что на ней фактически изображены «святые минуты» его детства: медитации перед огнем рядом с матерью, которая изображена на картинке в виде «бабки по имени Няня». А сам он идентифицируется с «юношей по имени Пушкин». К реальному Пушкину и его поэзии все это отношения, конечно, не имеет. Но вот к лужковской поэзии «управленческих решений» — имеет самое непосредственное. Ведь это вглядывание в «золотистую охру комнаты» (действительно икона), попытки услышать звуки речи не кого-то там, а «нашего всего» (по-простонародному: кто сделал? — Пушкин) — не что иное, как прообраз описанных выше погружений сознания в глубины, из которых приходят те самые «решения».

И чтобы совсем уж покончить с «управленческими решениями», надо заметить что, судя по описаниям мэра, в первоначальном варианте они выглядят совершенно нелепо, даже безобразно (особенно для людей зашоренных своей конкретной узкой специальностью). Так первоначально выглядела идея легально продавать спасенные овощи через магазины: это когда по официальному нормативу можно было сгноить один процент, а реально гноили — более тридцати. Или вот, например, одно из самых тяжелых «состояний безвыходности» — когда никак не удавалось решить вопрос движения транспорта в центре Москвы. «Никогда прежде столичный градоначальник не проводил столько совещаний на одну и ту же тему». Ничего не получалось. «И тут от полного, поймите, отчаяния, совершенно неожиданно для себя (я даже не

помню, как это произошло) выдвигаю предложение: а что если закрутить Садовое кольцо в одну сторону? (А внутри мысль: ты что, больной? А сам продолжаю.) Бессветофорная трасса внутри города. Скорость 80 км/час». Диковато! Но ведь и сам мэр это понимает: «Чем хороши такие идеи — их можно потом не внедрять. Но они активизируют всю сферу, давая результаты совсем не там, откуда ты начинал». В общем в конце концов пришли к идее закрутить кольцо вокруг Кремля...

«ПОЖАРКА»

Возвращаясь на секунду к «мыловарке», необходимо отметить, что уже здесь, в наиболее нутряном слое психики московского мэра, намечается некая граница между сердцевинной (кочегаркой) и внешним по отношению к этой сердцевине (но все еще «мыловаренным») слоем, где были сырье и вороны, против которых устраивались вылазки. Для уяснения того, что такое граница как таковая в мире лужковской психики, поговорим об упомянутой выше «пожарке» (кстати, очень даже связанное с огнем словечко).

Мэр объясняет: «Пожаркой» называли старый барак на берегу Москвы-реки и недостроенное здание пожарной части, начатое еще до войны. Пожарных мы не любили. Причем взаимно. Мы их — за то, что они оккупировали пристань (там стояли их катера). Они нас — за то, что мы с этой пристани прыгали и вроде мешали работать». Ну и маленькие негодяи устраивали пожарным «пожары». Поджигали им дверь, подперев ее предварительно палкой, и — враспынную. А бедолагам пожарным приходилось вылезать в окно, тушить. После того, как однажды один из пожарных попытался разделаться с поджигателями (погоня, карабканье на крышу гаража, прыжок — «прощай родина!» — с этой крыши на «кирпич, крючья, балки. Как уж мы остались живы, Бог весть»), детишки «прекратили делать пожары».

Похвально! Но смотрите, как все это описано: детки (среди которых огнепоклонник Юра Лужков, ощущающий себя в центре лучшего из миров) играют на берегу реки. Прыгают в воду, а пожарные их гоняют. Похоже, здесь речь идет о взаимодействии двух стихий — воды и огня. А вот любимое развлечение (вполне естественное для огненных мальчиков): задирать пожарных, поджигать им двери. Представителям водной стихии ничего не остается, как только лениво тушить свою обитель. Но вот один разозлился, погнался за хулиганами (как струя воды за расшалившимся пламенем) и чуть всех не угробил. Из происшедшего был извлечен урок: чужая стихия (чуждый мир) опасен, с ним не надо шутить.

На эту мифологическую историю, изложенную нами (вслед за Лужковым) в терминах столкновения стихий, можно теперь взглянуть и иначе: «пожарка» — реальное место, реальные строения, но одновременно, если приглядеться внимательней, это граница мира лужковского детства. Не только топографическая граница, но и — что, пожалуй, гораздо существенней для понимания мироощущения нашего героя, — граница нравственно-символическая. В сущности «пожарка» это то идеальное место, где происходит столкновение законов, по которым живет двор, воспитавший нашего героя, и какими-то иными законами, чуждыми миру лужковского двора. Юрий Михайлович, с его детской любовью к огню, первоначально осмысляет этот конфликт разных миров в терминах взаимодействия воды и огня. Но значение этого конфликта куда шире и интересней. Поджоги — это разведка (боем), познание устройства другого (соседнего) мира. Вот и в приведенном примере, несмотря на «моральную победу» поджигателей, в их головах наступило некоторое понимание того, что можно, а что нельзя. Можно, пожалуй, сказать, что столкнувшись с чужим миром, они постигли некоторые его суровые законы и перестали их нарушать. То есть — пожарка это передний край научения.

Случай, рассказанный Лужковым сразу же за историей с поджогами, подтверждает эту нашу догадку. «После войны пришла другая напасть: в Москве-реке вообще запретили купаться». Этот запрет на контакт с водой (опять-таки) был обусловлен тем, что река уже

тогда была слишком грязна (нефть). Но лужковскую компанию такое табу, конечно, не могло остановить. Ребята ловко скрывались от гоняющих их «ментов» (в предыдущей истории — пожарные). Пока не появился тоже один «хитрый как бес». «Свернувшись» в кабине случайного грузовика, «как змей подкольный» (все это символы влаги), он незаметно подкрался к купальщикам и захватил их трусики. Далее: «помахивая арестованным гардеробом», милиционер заставил выйти ребят из воды и, посадив в кузов (трусы, разумеется, не отдал, а борта грузовика для пущего позора опустил), отвез в отделение милиции. «А это и в штанах далеко». Теперь апофеоз: «Вы, конечно подумали, милиционер вызвал родителей, требовал наказания? Нет, господа. Система взаимоотношений того времени не допускала разборок и тяжб. Все строилось на договоре. Каждый из нас получил свои трусики и мощный пинок в зад. Инцидент был исчерпан. Мы обещали там больше не купаться. И действительно не купались. Честное слово считалось святым».

ХУЛИГАНСКИЙ ДВОР

Как видим, на берегу реки у «пожарки» (на границе стихий) опять произошло столкновение с иным, не дворовым, на сей раз буквально облаченным в милицейскую форму законом. И завершилось оно удачно — просто «мощным пинком в зад». Опыт из инцидента был извлечен: чужой (не дворовый) закон надо учитывать в своей жизнедеятельности, а с представителем этого закона можно договориться. Но все равно самым главным остаются законы двора. Законы же лужковского двора были особые. Потому что «двор был хулиганский». «Это значит, что он провоцировал особый рискованный настрой — с кем-нибудь подраться, что-то „отчебучить“, „обозначить“, „отметить“...»

Приводя поразительные примеры молодецких забав своего детства (некоторых его товарищей эти игры привели к летальному исходу, но: «Все это тоже нормально и неизбежно. Просто издержки. Без них не обойтись»), Юрий Михайлович замечает: «Если вы спросите, почему именно в таких варварских и рискованных, а не каких-то разумных и безопасных играх должны были проходить лучшие детские годы, я, ей-Богу, не найдусь, что ответить. Но взрослые /.../ не только не препятствовали, но даже скрыто потакали этой страсти к опасной игре. /.../ Взрослые явно руководствовались каким-то веками отработанным коллективным инстинктом. Так мужчины охотничьих племен берут детей с собой в лес: племени нужен охотник. А уж выживет он или нет, это как повезет».

Эта ссылка на охотников очень симптоматична, ибо — для описания взаимодействия охотничьей культуры с окружающим лесом трудно придумать лучшую модель, чем распространение огня из центрального очага во все стороны по периметру. Лужков как бы говорит: хулиганский двор с его вечным рискованным настроением — это очаг. На более глубоком уровне лужковской психики этот очаг отождествляется с мирным паровозным котлом и матерью. А на более поверхностном, он осмысливается (подсознательно) как — вырывающийся из границ очага, переступающий эту границу, выходящий за кон огонь. Сама же граница лужковского мира мыслится (опять таки подсознательно) им как место (идеальное) столкновения с чуждой стихией (в детской символике Лужкова это вода).

Теперь вернемся к законам (обычаям) двора. Юрий Михайлович ищет и не находит слов, чтоб воспеть благо этих законов. Судите сами: после того, как ребяташкам пришла в голову мысль положить в костер (это уже какая-то пиромания) снаряд, и тот так рванул, что у пресловутой пожарной «был вырван с ключьями» угол, даже опытный и уважаемый участковый не смог разобраться в ситуации. «Он разговаривал со мной, с мамашей, со всеми детьми, со взрослыми... Двор стоял насмерть как партизан. Ни уговоры, ни угрозы — ничто не помогало. Круговая порука была непреложным законом жизни». И далее: «Разумеется, после всем нам страшно досталось. Мы надолго запомнили, что не всякая новая техническая мысль достойна

воплощения. Но втолковывать подобные вещи было делом двора, а не внешней власти. И потому никто (понятно? Никто!) не имел права „пролегалить“. Если бы такое случилось, дворовый коллектив не простил бы». И дело не только в том, что фискала бы побили. Существовало наказание похуже — «бойкот». «Человека не видели в упор. Он превращался в тень, в живого мертвеца и — такова уж сила коллективного внушения — как бы убеждался в собственном несуществовании».

Подытожим: из проделок на «пожарке» мальчик вынес понимание того, что законы его мира очень хороши для внутреннего пользования, но не работают за пределами этого мира. И поэтому при взаимодействии с внешним миром приходится пользоваться внешним законом — будь то законы государства или законы физики и химии. Он понял, что «техника требует знаний» и решил, что «нужно учиться» — узнавать законы более широкого, чем двор, мира. Ну и любовь к процессам горения привела его в сферу химии.

ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА

И все же: что такое для Лужкова — «двор»? Не только «хулиганский», а и всякий другой («интеллигентский», «спортивный», «воровской»). Мэр дает определение: «Двор — естественная форма внутригородской территориальной общности. Обозримое пространство местной солидарности со своей этикой и коллективной спайкой. Самоорганизующаяся маленькая общинка, противопоставленная и городу и государству». <! — more — > И поясняет: «Двор был комплексной школой и солидарности, и стойкости, и всего того, что на всю жизнь стало основой системы этических ценностей /.../ Поколения вырастали и уходили, на их место приходили новые, но заповедная зона внутренней порядочности по отношению друг к другу оставалась. Она поддерживалась не клятвами и не объяснениями. Я даже не помню, чтобы кто-то кому-то что-нибудь объяснял. Тут работал другой механизм, подкреплявшийся не моральными доводами, а силой неписаного дворового кодекса. Каждый знал, что можно делать, а чего нельзя просто потому, что двор не простит».

Судя по этим (и многим другим) объяснениям, «двор» для Лужкова — примерно то же самое, что русская крестьянская община для славянофилов (впоследствии на городской почве преобразившаяся в то, что нам известно под именем «советы»). Правда Юрий Михайлович отрицает мнение ученых, что старый московский двор это пережиток патриархальных отношений. «А я убежден, что никакой это не пережиток, а самая настоящая подлинная Москва». Вполне возможно, но только он ведь и сам тут же говорит, что в его дворе «жили некоренные москвичи». То есть — люди, принесшие в город навыки жизни в совершенно иной среде...

Впрочем, к чему спорить с мэром. Лучше попробуем понять его тоску. Он реалист: «Нет, я никогда не призывал реставрировать дворы, эту якобы московскую идиллию. Идиллии не было, и вернуть ничего нельзя. Но найти сегодня, в нынешней жизни, какой-то аналог той старой утраченной общности. Вновь обрести чувство теплоты по отношению к окружающему пространству, думаю, все же можно». Но он и мечтатель: «Моя мечта — вернуть москвичам город. А Впрочем, и не мечта даже, ибо простой анализ городской ситуации убеждает, что без воскрешения традиций коллективного обживания город не выберется из своих проблем».

Тут есть некоторое противоречие. Прагматик мэр понимает, что «возвратить ничего нельзя», но все-таки ищет «аналог» утраченного, хочет возродить «заповедную зону». Что это может значить? В общем лишь то, что Юрий Лужков, где бы ни жил, всегда живет в центре своего лучшего из миров, это его идеальная, субъективная установка. Но реально-то он живет в Москве, городе, объективно говоря, очень далеко от какого бы то ни было идеала. То есть человек оказывается в центре одновременно двух миров. Будучи руководителем реального города, Лужков смотрит на него сквозь призму своих идеальных представлений о «городе», — представлений, сформированных в детстве двором. Ну и, понимая, что «возвратить ничего

нельзя», он все-таки хочет «найти» реальный «аналог» своего «двора», сделать так, «чтобы двор, улица, набережная — все снова стало „своим“».

Неизвестно, сможет ли эта прекрасная мечта когда-нибудь воплотиться в реальной жизни простых горожан, но совершенно точно то, что в определенном смысле она уже воплотилась. Правда, это не совсем то, о чем говорит мэр. Может быть, он даже не узнает свою идеальную мечту в той реальной форме, которую она обрела. Но факт остается фактом: «аналог» лужковского «двора» уже вошел в явь. Мы его можем буквально осязать. Только, конечно, не на низовом обывательском уровне, а на более высоком, муниципальном.

Действительно, если приглядеться внимательно, станет ясно, что аналогом лужковского двора является правительство Москвы. Конечно, это аналог не «двора» вообще, а конкретно «хулиганского», поскольку Юра Лужков был воспитан именно «хулиганским двором» и потому волей-неволей (думается, вполне бессознательно) накладывает на все окружающее смысловую сетку ценностей полученных на этом дворе. Вообще говоря, он собственно созидает свой мир, согласно матрице смыслов («кодексу чести») своего двора. Говоря конкретно: он подбирает себе соответствующих сотрудников и действует вместе с ними в полном соответствии с основными доблестями хулиганского двора.

Разумеется, эти доблести, будучи спроецированы на поведение взрослой команды, преобразуются: «круговая порука» оборачивается прочной командной спайкой, «рискованный настрой» трансформируется в на первый взгляд безумные, но часто оборачивающиеся удачей «управленческие решения», хулиганства у «пожарки» теперь превращаются в постоянные конфликты с отдельными представителями центральной власти или даже с какими-нибудь иностранцами-инородцами (вроде конфликта из-за Севастополя, который Лужков очевидно, считает частью Москвы).

Не всегда наш герой побеждает в этих конфликтах на границах своего мира. Но, живя по законам своего мира, он учитывает и законы внешние. То есть всегда точно знает, когда можно выступить с зажигательной речью против Думы или правительства. А вот с самим Ельциным (Путиным, Медведевым⁵) никогда не ссорился. По крайней мере — всерьез.

ПАРТИЯ ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ

Сказанное выше не означает, конечно, что московский мэр конфликтует с некоторыми представителями центральной власти (таким, как Гайдар, Чубайс и прочая рыбка поменьше⁶) только потому, что в его «хулиганской» природе дразнить тех, кто появляется на границе его мира. Он конфликтует с ними потому, что именно эти люди создавали и создают невыносимые условия для него как управленца, для его команды (некоторые представители которой — настоящие хулиганы) и для простых людей как обитателей его большого «двора».

Едва ли не большая часть его «истинно управленческих решений» возникла из «ситуаций сшибки», в которые он был поставлен шоковой реформой. «Наши — московского правительства — расхождения с тогдашним российским заключались не в целях преобразований, в их методике. /.../ Вопрос стоял так: имеет ли право государство на крутом повороте бросать людей на произвол судьбы». Методика шока была — бросить людей в воду, кто потонет — сам виноват. А в дворовой системе ценностей Лужкова отношение к людям, входящим в сферу, обнимающую его мир, все-таки довольно патриархальное: надо как-то помочь своим. Все-таки эти люди были его избирателями (в том числе и потенциальными). Комплекс «моего мира» как раз и работал во время преодоления гайдаровского шока. В тот момент мэр спасал, конечно, не столько конкретных людей, сколько гибнущую экономику города, свое хозяйство.

⁵ Позднейшее добавление, сделанное автором в ходе републикации статьи в блог-книге «Осьминог» в 2009 г.

⁶ В скобках — также позднейшее добавление.

Но в результате обыватели большого московского двора остались довольны, что видно хотя бы потому как прошли выборы мэра.

Комплекс «моего двора» продолжал двигать мэром и в дальнейшем. Он просто вынужден был отстаивать интересы «производительного капитала», который создает его городу и людям, в нем проживающим и делающим бизнес, элементарные условия существования. И он не может не бороться с «другим видом капитала — диким, воровским — который не может существовать, не присваивая чужого, почему я и называю его *паразитическим*» (выделено Лужковым. — О.Д.), вкладывая в это слово не эмоциональный, а чисто биологический смысл. Ну насчет «эмоционального» мэр немножко лукавит, ведь паразитический капитал «работает по формуле «деньги — сырье — деньги» — причем под «сырьем» здесь можно понимать все, что угодно». А мы знаем, что бить из рогатки ворон, расхищающих «сырье», было в детстве Лужкова любимым занятием. Так что бороться с паразитами сырьевиками — это корневое. Тут детский азарт помножен на социал-прагматизм.

«Социал-прагматизмом», кстати, он называет свой подход к управлению — не либеральный и не социалистический — отрицающий всякого рода идеологические принципы. В связи с этим некоторые в какое-то время даже заговорили о возникновении «гражданского общества» в отдельно взятом городе... Но стоит обманываться. Ценности двора не очень похожи на ценности гражданского общества.

Разумеется, система, которую мы вслед за Лужковым называем «двор» работает в первую очередь на личных контактах и психологической близости (очень русская традиция). Это значит, что наибольшие дивиденды от такого устройства мира могут получать люди, составляющие непосредственное окружение «дворового» лидера. Метафорически можно сказать, что это и есть ЦК партии, которую Лужков на самой заре своего руководства Москвой назвал «партией хозяйственников». Ну, разумеется, это не «партия» в принятом ныне организационно-политическом смысле этого слова. Это нечто размытое и даже призрачное. И тем не менее, это часть общества, не объединенная организационно группа людей (вспомним, как Солженицын характеризовал «Промпартию»), к каждому из которых приложимы расхожие слова: сам живет хорошо и другим дает заработать.

Эта «партия» существовала на всем протяжении русской истории, и в общем ее представители могли попадаться во всех классах общества, но больше всего их было в среде торгово-промышленного купечества (кстати, именно эти люди даже в городах долго сохраняли добродетели русской общинности). И именно к ним применим ставший ныне рудиментарный термин «посадские». Не стоит, конечно, идеализировать этих людей, среди них было много подлецов и воров, но надо иметь в виду, что у полупризрачной «партии хозяйственников» всегда были свои интересы. Есть они и сейчас. Главный: чтобы государство им не мешало, а лучше — помогало, отстаивало их интересы в столкновениях с чужаками — внешними и внутренними («паразитическим капиталом», сказал бы Лужков).

Так вот, сегодня у власти в Москве типичный представитель этой партии, набравшийся посадских добродетелей в своем «хулиганском дворе», который — надо ли объяснять? — и есть рудимент старого Посада. Интересно, что Лужков не только ощущает свои корни, но и прямо говорит о том, чей он ставленник (в историческом смысле). При этом, конечно, впадает в детскую мечтательность, вдруг начинает всерьез излагать историю Москвы как извечную борьбу Посада с Кремлем за право самоуправления. И так ловко поворачивает, что вся эта многовековая история ведет у него к сегодняшнему мэрству и увенчивается Юрием Михайловичем Лужковым на трибуне, хохочущим в лицо высшему органу государственной власти (Верхсовету тогда), один из представителей которого предложил его (мэра) снять с должности. Вот отповедь центральным властям из центра лужковского мира, который, оказывается, находится на самом остром стрелы русской истории: «Извините, не получится. Не вы выбирали мэра, а москвичи. Теперь только они могут снять».

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Итак мэр родился (духовно) из огня архетипической печки (паровозного котла), которая и есть центр его психической конституции. Начав танцевать от этой печки, он постоянно раздвигал границы мира, центром которого себя ощущает. Из материнского тепла кочегарки он вышел во внешний мир двора и далее на границе стихий постигал законы природы и социума. Это, так сказать, мифологический аспект биографии Лужкова.

Фактически же он всегда и на всяком месте занимался обустройством своего мира, расширял его в идеальном и физическом плане, но не стремился попасть в другой мир. Перемещение нашего героя с одного места на другое всегда было прерогативой внешней для его мира инстанции, судьбы. Ведь по своей психологической конституции, предопределенной когда-то «кодексом чести» двора, Юрий Михайлович — лежащий камень, обрастающий мхом. Он не склонен к перемещениям. Вот если кто-то или что-то его перекатит, тогда пожалуйста: он начнет подминать новый мир под себя, накладывая на него матрицу своих представлений, изменять его согласно своим идеалам и интересам (что в случае Лужкова одно и то же). Но сам, по своей воле — ни-ни.

Разумеется, это не значит, что мэр не хочет быть президентом. Скорей всего хочет. Но — он ведь прекрасно знает, что роль судьбы в его жизни с некоторых пор стал играть Борис Ельцин. И поныне играет (увы, это «реализм действительной жизни»), а потому — куда и зачем рваться? То есть, конечно, московский градоначальник все понимает (он уже научился слушать зовы судьбы), сам тоже делает кое-какие (и даже очень серьезные) шаги в нужном направлении... Так — на всякий случай, в хозяйстве пригодится.

Но вот если случится, что тот же Ельцин или, скажем, народ, как-нибудь перенесет нашего героя из Посада в Кремль, тогда другое. Тогда Юрий Михайлович немедленно займется своим любимым делом: переобустройством своего нового мира по образу и подобию хулиганского двора. В кремлевские коридоры придет вместе с ним вся эта партия хозяйственников (посадские) и — прости-прощай. Тогда придется забыть о гражданском обществе, неограниченной свободе печати и прочих демократических ценностях западного образца. То есть демократия-то, конечно, будет, но наша, национальная (посадская), и справедливость будет — Лужков не оставит своих людей (и близких, и дальних), и уровень жизни повысится, и экономический подъем случится (на это найдутся «управленческие решения»), и национальное примирение настанет (интеллигентское недовольство под спудом — не в счет), и преступность пойдет на убыль, и вся страна превратится в сплошной строительный котлован...

А вот с империалистами, со всякими сепаратистами и зазнавшимися бывшими соотечественниками миндальничать не будем. Не будем хотя бы уже потому, что они обитают за пределами и на границах нашего большого хулиганского двора. Поджогов, конечно, устраивать не станем, но и безобразничать, сырые расхищать не позволим. Это непорядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.